

ОНИ ВЫПОЛНИЛИ
СВОЮ 5-ЛЕТКУ

Криволапова НА Сусловия ЗА
Моторина ПВ Кавардиня ЛД
Бартышева ВА Чаплыгиной ИЛ
Морынина ЕЕ

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1980

Москва. Зимние каникулы. Кремлевский Дворец съездов.

ГОД НАЧИНАЕТСЯ С КАНИКУЛ

Б. СОЛОВЬЕВ, К. ЮРЬЕВ

Фото А. БОЧИНИНА

ная, зеленая была». Этим прежде всего праздни-
мись: веселые, смеси, новые драмы, по-
дарены в красном конверте, который вручает
всем, кто не забыл о Новом Году, — Снегурочку. И еще: елка — это память о Новом
годе. Ведь не зря говорят: наше это ветрившееся
дерево — Снегурочка. И вот в сказке про
Царя Кремлевского двора — Деда Мороза, Снегу-
рочки, Белоснежки, сестры Гномы с голубыми
глазами и синими волосами, сказочный синий
медвежонок Миша постарались сделать
сказку настолько интересной, что даже сама
ребята от души пожелали, чтобы было по-
том о чем рассказать родителям и друзьям.
Но сказка о Снегурочке и Царе Кремлевском
засияла на свет, и ее не увидели даже самые
излеченные радости: они находились в дин-
зинных каникулах. Сотни тысяч школьников
страны провели эти дни на загородных базах
отдыха. Среди них и многие московские школы.

Представки всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 града

Nº 3 (2740)

12 ЯНВАРЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

(Продолжение на 28—29-й стр.)

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ДЕЛЕГАЦИЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Возрождается к новой жизни Кампучия — страна, пережившая годы полпотовского террора. Действуют фабрики и заводы, поднимаются из руин больницы и школы. На снимке: работница Пномпеньской текстильной фабрики. Фото В. БУДАНА (ТАСС)

ВОЗРОЖДЕННАЯ КАМПУЧИЯ

7 января 1979 года над Пномпенем взялись знамя Единого Фронта национального спасения Камбучи, объединившего все силы, выступавшие против полупотового режима геноцида. За восемьдесят четырех лет чудовищного «социального эксперимента», разработанного в Пекине, кинка Пол Пот убил три миллиарда живых, не имея ни ладони.

на них не в чем не повинных людей.

Победа патрнов открыла новый этап в жизни страны — этап возрождения, независимости, свободы и продвижения к социализму. 11 января была провозглашена Народная Республика Кампучия.

Дорогой ценой обретена свобода, глубоки и еще кровоточат раны. Но революция уверенно набирает темп, расчищая путь среди унаследованных хаоса и разрухи. За год после победы

ды окрепла народная власть на местах, созданы народные комитеты самоуправления. Уже действует почти половина существовавших до войны предприятий. На 570 тысячах гектаров рисовых полей завершается уборка урожая. Восстановлены порты, аэродромы, железная и шоссейные дороги.

Советский Союз, вьетнам и другие социалистические страны оказывают Камбодже эффективную помощь.

С первого дня существования молодой республики не утихает кампания клеветы, развязанная группой Пони

Неудивительно, что в этом усердствует Китай — ведь именно его ставленников вышвырнули из Пномпеня. Удивительнее метаморфоза, которая произошла с западными «радетелями» под эгидой Пхеньяна.

прав человека.

Но как бы ни старались реакционеры, перевороты в Камбодже неизбежны. Ее законченное превращение в народно-революционный союз — признаны уже более тридцати стран и национально-освободительных движений. Под руководством ЕФНСК камбоджийский народ будет бороться за строительство мирной, независимой, демократической, нейтральной и неприсоединяющейся Камбоджи, идущей по пути к социализму.

«Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, — говорится в телеграмме, — мы считаем, что Л. Брачко и Ю. Каныгин направляем Присягу Датою Народно-революционного совета НРЮС Председателю ЦИ ЭФХС СССР Смирину по поводу открытия в Москве заседания Совета нашего народа, — Советский Союз будет и впредь всемерно крепить отношения тесной дружбы и сотрудничества с Народной Республикой Болгария, с Советским Союзом и Камбучи и другими социалистическими и народно民主的скими народами в интересах дела мира, демократии и социализма».

ИЗВЕСТЕНИЯ ВСЕМУ МИРУ

Обложка этого журнала всегда привлекает внимание своей выразительностью и яркостью, и в сеа она неизменно радует глаз. Но ей можно предложить свою истину: она наглядно демонстрирует постоянную актуальность этого интересного, содержательного журнала.

«Журнал «Советский Союз» — это открытая для всех панорама жизни первой страны

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

8 января в Центральном Комитете КПСС начались переговоры между делегацией Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и делегацией Французской компартии во главе с Генеральным секретарем ФКП У. Марином.

В состав делегации КПСС входят член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев.

рев, член ЦК КПСС, председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами З. М. Круглова, кандидат в члены ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным от-

в состав делегации ФКП входят член Политбюро, секретарь ЦК ФКП М. Гремец, член Политбюро ФКП Ф. Лазар, члены ЦК ФКП Д. Монте и Ж.-М. Маньон, заместитель заведующего Международным отделом ЦК ФКП П. Лемаэ.

В ходе переговоров товарищи Л. И. Брежнев и Ж. Марш рассекретили о положении в СССР и во Франции, о деятельности КПСС и ФКП. С обеих сторон было уделено большое внимание развитию международной обстановки, проблемам мира, разоружения и разрядки. Были затронуты также вопросы отношений и сотрудничества между двумя партиями.

В беседе, прошедшей в сердечной, дружеской обстановке, принял участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

В канун Нового года Государственная комиссия приняла в постоянную эксплуатацию железнодорожную линию Тында — Беркакит. Строители БАМа завершили год славными трудовыми победами.

Еще вчера вторая очередь «Малого БАМа» как бы экзаменовала своих строителей, испытывала их мужество и инженерную эрудицию, умение бороться с коварством Севера. А сегодня люди испытывают стальные пути большими скоростями.

Железная дорога, идущая от Тынды на север. Кажется еще совсем недавно машины-сторожи отделения временной эксплуатации управления Бамстроптуть водили по ней небольшие составы, доставляя предметы ухода за рельсами и другие строительные материалы. А в обратную сторону, на юг, из Неронгри шли составы с тяжелыми углем и магнитной глиной.

— Красивые, спиритисты! — подумал Кол. Несколько тепловозов «загорелись», непримкнувши колен. Это закономерно — вспомнил Кол, и все же ждало нечто большее. И вот оно пришло: первые шаги по изгнанию демонов, первые эпизоды с некромантами, людьми, двинувшими дорогам туфелью.

Три года — боролись яунгисты участок БАМА, линии Тында — Беркянт. Три года, с каждым днем становясь все более уязвимыми, снаружи — из-за появления строительных рабочих, изнутри — за счет наставников Виталия Белуосова. И вот час разставания. Не ставили вину Белуосову — Райбову, машинисту первого тындинского отряда эксплуатационной бригады САМЗ, который, прибыв в Беркянт, в первый же день, 15 марта, Райбов ведет в Беркянт состав из семи

...Легким толчком тепловоз тронул состав.

Колеса, наращивая скорость, застучали весело и звонко. И в какой-то момент их перестукне я, называя, слышал отзывы слов Виталия Белоусова:

— А путь до Бернакита действительно доб-
рый? — спросил я его, когда шум уходящего
состава затих. затих

— Отличный путь! Сделан на совесть. Даже там, где у дороги сложный рельеф, состав имеет отличную грузовую подвижность, держит скорость в семьдесят километров в час и не теряет в весе в семьдесят километров.

Чувствовалось, что Белуслов и сейчас там, в кабине тепловоза. В последний раз, теперь удачно, он проехал по этой дороге — в двадцати километрах от Белогорска. Завтра у Белуслова начнется новый путь. Завтра он поведет состав рабочего поезда из Белогорска в Николаевку, а потом — в Белогорск.

В тот день волновался не только машинист Белуслова. На станции Могот морем шагами еще не успели пройти, как к ним подбежал старший помощник машиниста.

Несколько лет назад в Краснодаре на станции «Лакатная» застыла на посту демурного по станции. А рядом с пустым поездом лежали охинданы, также волнистые щохинды. Стромой Марат Минагалиев, построивший щохинды, сидел в вагоне пассажирского поезда, с друзьями поbrigда, сидел в вагоне пассажирского поезда и простился с Моготом. Теперь путь к Ташкенту, звезды, очередь на станцию БАМа. Ташкент, удачно спрятавшийся от них. Но они уходят, оставляя «Малому, ГАМУ» на память 1300 метров первого БАМового тоннеля, пробитого в мерзлых почвах, почти двести морозов, при помощи гигантской машины.

Янукский участок БАМа — в строю! В доб-
рый путь!

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор. «Огонька»
Фото автора

На снимке: во время переговоров.
Фото В. Мусаэльяна (ТАСС)

рального социализма, ее славного прошлого, динамичного настоящего, адвокатом которого бу-
дущего», — говорится в приветствии Генераль-
ному секретарю ЦК КПСС и Председателю
Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева
коллективу радиодрамы «Авторскому акту» и чи-
тателям ее. «Вы — люди культуры, люди науки и
общественных дел, заслуженные люди тру-
да, ученые, писатели, журналисты высказывают
вашими персонажами мысли и чувства, волную-
щие широкую кругу внутренних и междуна-
родных проблем», — выражают мнение по актуаль-
ным вопросам культуры и искусства.

Приглашение открытия было обильный номер. Читал его дальше, мы находим в нем
слова Понтия Пирогова: «Исполняется председа-
телем Совета Министров СССР товарищом
Плановым управление экономики — новый
старт и обещание всемирной конференции
посвященной миру. Фотографии изображают
Онко-Таджикский террористально-производст-
венный комплекс и строительство БАМа, об-
разующий гигантскую арку над Сибирью. На
памятнике и сгоревшем на дне столицы Калмы-
кии Знамя, о новых программах советского
государства. В номере есть скамя для детей с красочными
перевесками в липтовском городе Шахтей. Как всегда
в номере есть скамя для детей с красочными
перевесками в липтовском городе Шахтей. Как всегда

Основной формой национальной гордости журналистов СССР на странице (ныне выходят на двадцати из них) и известен всему миру. Более ста тридцати лет в журнале отражены знания и достижения советской экономики, науки и техники, искусства и культуры. За такую работу по обогащению советского образа жизни и впереди всех в области пропаганды КПСС и Советского государства пропаганде мира, социальной справедливости, и сотрудничества между народами журналистам «Советский Союз» награжден орденом

БАМ работает: на Нерюнгри идет смесевой состав с углем

Марат Минигадиев: строил вокзал в Москве

Машинист-наставник В. Белоусов передает символический жезл машинисту Н. Рябову.

Александр Васильевич СВЕШНИКОВ

— Как же вы их нашли?

— Искали. Ходили по улицам, по домам. Первым представили своим домом Пелевок Николай Михайлович, офицер запаса, Арженцева Елизавета Тимофеевна, Павлов Сергея Павловича... Бесконечная национально-богородская помощь! Благодарность!

— И много таких домов агитаторы в поселке?

— На двадцати улицах 22 дома! На сразу, постепенно все складывалось. Один дом в год — уже хорошо! Затем терь мы, агитаторы, сидели в домах и говорили с народом, мы знаем все, что интересует поэтического в поселке, мы оперативно можем донести до людей любое решение...

— Скажите, Николай Афанасьевич, как все обобщить то, что сделано агитпунктом в Вышневом бальзаковском городе?

Такой город, — это инициатива... Что, цифры нужны! Какой арифметический подсчетчик духовный рост людей? То, что они стади более друг к другу, культурнее, сознательнее, что парнишки пребудут к чему-то интересе, в спорте, в воспитании, в благотворительности... Наша работа существует не годы вперед. Кстати, свалка возможных нарушений в поселке год от года стала меньше, на некоторых улицах их и вовсе уже нет. Это заслуга самих жителей, а не каких-то там усиленных милиционеров.

— Зато проблем быть, благоустройства, наверное, прибавляется?

— Я ведь ни один разработка! У нас совет агитаторов — целый отряд активистов. Завод наш, «Баринки», способен решать все проблемы с агитаторами. Там в погоне я могу быть по любому вопросу. Райком, райисполком нашего Краснооктябрьского района — ни одного шага без них не удалось бы сделать! С председателем депутатского Совета Зарайским Виктором Михайловичем, с председателем Торгово-промышленной палатой, с Торгомом недавно — все к дому прошли. Но ко всем еще, правда. Кстати, надо сегодня в исполнком зайти... Торгова, транспорт, благоустройство — вопросы массы. Ну у нас, в совете агитаторов, есть право инициативы от одного вопроса не уходить. Жить одной жизнью с учреждениями, давать ее заботами — это и есть наша партийная работа.

...Увы, всего не расскажешь. О том, что происходило за эти годы, я поговорю с Александром Винченко. Дома были выставлены объективистскую брошюру. О праздниках улиц, в которые вложена фантазия и энтузиазм самих жителей, о проводах дипломатиков, о конференциях отцов, о конкурсах добровольцев, о добрых делах и добрых людях, которым полнился этот крохотный клочок приволжской земли.

Советская культура понесла тяжелую утрату. На 82-м году жизни скончался выдающийся деятель советского музыкального искусства, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, профессор Александр Васильевич Свешников.

Верный сын Коммунистической партии, А. В. Свешников всю свою жизнь, творческие силы отдал советскому искусству, борясь за народность, высокую идеиность музыкального творчества, за торжество принципов социалистического реализма. Его многогранный талант музыканта и педагога особенно ярко проявился в тематическом демократическом виде музыкального искусства, как искусство хорового пения.

А. В. Свешников родился в 1890 году в г. Коломне. Музикальное образование получил в г. Москве. Весь его трудовой путь неразрывно связан с различными этапами становления советской культуры. А. В. Свешников работал уполномоченным Наркомпроса по борьбе с беспризорностью, преподавателем музыки, заведующим музыкальной частью студии МХАТ, художественным руководителем иноградской областной академической капеллы народной песни Всесоюзного радио. Он почти сполет руководил Государственным академическим Русским хором СССР.

А. В. Свешников был талантливым педагогом, воспитавшим не сколько поколений широко известных советских музыкантов. В трудное военное время эта его инициативная было организована Московское государственное хоровое училище, более четырех веков в качестве ректора возглавляя им Московскую государственную консерваторию им. П. И. Чайковского.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андровов, В. В. Гришин, А. Я. Громыко, А. П. Кирilenко, А. Н. Косыгин, Д. А. Кунаев, А. Я. Пельев, Г. В. Романов, А. С. Радченко, А. П. Тимофеев, Устинов, А. У. Черненко, Шербакин, Г. А. Альберт, М. А. Горбачев, Н. Д. Егоров, В. В. Кулаков, М. П. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, М. С. Соловьев, З. А. Соловьева-Каревская, Н. В. Капитонов, Д. А. Красильников, Е. В. Красильников, Е. М. Телятников, В. Ф. Шауро, В. Елютина, С. Г. Гапкин, И. Н. Малышев, В. Ф. Попов, А. Ф. Павлов, Т. А. Киселев, А. И. Шишкин, С. М. Круглов, Л. А. Никонов, Б. Н. Соколов, Н. Н. Красильников, Б. А. Александров, Ю. Я. Барабаш, М. И. Блантер, Л. Н. Бенидов, Л. А. Задорожный, В. А. Бабаджанян, А. М. Даниленко, Б. М. Даниленко, К. Н. Кутузов, Г. В. Кузнецов, А. А. Лебедев, С. А. Шишов, Ю. М. Малышев, Н. Н. Мещин, С. В. Михалков, А. Е. Мравинский, А. Г. Мурин, А. Г. Новиков, А. Г. Смирнов, А. В. Романов, А. В. Рыбаков, Е. Ф. Светлов, Г. В. Смирнов, В. Г. Соколов, Б. М. Терентьев, С. П. Ткачев, С. П. Тумазов, Ю. А. Шевчук, А. Г. Флеровский, А. Н. Холмников, М. И. Царев, О. А. Чекинян, В. А. Чернушенко, Р. К. Щедрин, Г. Г. Эриксен, А. Я. Зильбер.

Степан Петрович ЩИПАЧЕВ

С. П. Щипачев, награжден его орденами Ленина, Октябрьской Революции, Дружбы народов, двумя

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 82-м году жизни скончался один из значительнейших советской поэзии, выдающийся русский поэт Степан Петрович Щипачев.

Участник гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с октября 1919 года, Степан Петрович Щипачев — это большая и зрячая путь убежденного борца за идеалы коммунизма.

В своих стихах Степан Щипачев воспевал трудовой и воинский подвиг советских людей, любовь к социалистической Отчизне, стремление многих других народов, прастье и борьбу советских писателей, красоту родной природы. Пронзившие Степана Щипачева, посвященные В. И. Ленину, стали значительным вкладом в поэтическую Ленинщину. Его стихи и поэмы, развивающие лучшие традиции русской поэзии, ее темы, отмеченные задорностью и юмором, ярким ритмом, нашим широким признанием у читателей, переведены на многие языки народов нашей страны и за рубежом. Пронзившие поэта были дважды удостоены Государственной премии СССР.

Гарпия и Советское правительство высоко оценили заслуги

орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», тремя орденами Красной Звезды, медалями.

Выдающий общественный деятель, С. П. Щипачев был делегатом XXII съезда КПСС, избирался членом МГК КПСС, председателем правления Московской писательской организации.

Человек большого личного обаяния, идейно-национальный коммунист, он щедро делал для своего отечества и знания с литературной молодежью.

Пронзившие поэта предстают долгая жизнь в родной литературе, светлая память о Степане Петровиче Щипачеве навсегда сохранится в сердцах его товарищей по поэзии, в памяти советских людей.

В. В. Гришин, А. П. Кирilenко, М. А. Суслов, А. У. Черненко, П. Н. Дешев, В. Н. Манаков, Г. С. Столяров, В. Г. Марков, М. В. Зиминин, А. А. Елишев, В. Ф. Шауро, Б. Н. Пастухов, Г. М. Марков, Н. М. Алексеев, А. А. Альберт, Н. П. Морозин, С. А. Барындуков, А. Б. Балеев, Ю. В. Бондарев, Ю. В. Друскин, Г. А. Жулов, Е. А. Исаков, Р. Ф. Казаков, Л. В. Дудин, В. П. Катаев, А. П. Кашеваров, В. П. Кобелев, В. М. Коневин, С. В. Михалков, С. С. Нарочатов, В. М. Озеров, Е. Н. Пояков, М. П. Пранчин, Р. Н. Романовский, В. Т. Ткачев, А. А. Чечулин, А. В. Чечулин, А. С. Синицын, Ю. А. Смирнов, В. А. Смирнов, А. В. Чубаров, М. А. Шовхов.

США

КАК ВЫЖИТЬ?

Вадим КАССИС,
Хакар РАШИДОВ

Итак, апрельская революция 1978 года, свершенная афганским народом, получила свое дальнейшее логическое развитие. Свергнут кровавый диктаторский режим Хафизуллы Амина и его приспешников.

Афганистан — многонациональная страна. Здесь проживают пуштуны, таджики, хазары, узбеки, туркмены, балуджи, пиратанцы, другие племенные группы. Тот, кому приходилось быть в этом государстве прежде, знает, какому гнету подвергались все они, с какой верой смотрели в будущее, борясь за свободу, отставая ее.

Под мощным натиском этой борьбы рухнули мрачные бастионы деспотизма. Апрельская революция, положившая конец засилью археальных производственных отношений в социально-экономической жизни страны, дала импульс развитию совершенно новых форм организации производства. Она открыла путь к демократии, справедливости, восстановлению правопорядка, законности, конституционному праву.

Как отмечает Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан Бабрак Кармаль, великие принципы уважения к исламской религии, уважение народных, семейных и национальных обычаяв также, несомненно, найдут свое отражение в конституции ДРА. Этот важный, ожидаемый всеми документ будет разработан при участии широких народных масс, исходя из самых прогрессивных позиций.

Новый этап революции всегда нелегок, чреват неожиданностями. Старое, отжившее свое, уступает место новому. Важнейшим фактором в судьбе страны, социальных и экономических преобразований становится, вышедший изданной руководства республики и всего народа на данном этапе является защита завоеваний апрельской революции, защиты государства, его национального суверенитета.

Силы внутренней и внешней реакции, повсеместные с империализмом, не останавливаются ни перед чем. Они пустили в ход самые гнусные пропагандистские приемы. Клевета и дезинформация, постоянное передергивание фактов об истинной обстановке в Афганистане обрели черты своеобразного идеологического пандемии для психологических атак на Демократическую Республику Афганистана.

Под лживым предлогом защиты ислама оголтелые круги империализма применяют свой испытанный метод: создают бандитские отряды для диверсионной деятельности против народной власти, покровительствуют кучке укрывшихся у них предателей и изменников афганского народа. Доподлинно известно, что в подготовке банд мятежников принимают участие в тесном альянсе с Центральным разведывательным управлением США пекинские гегемонисты. Это их инструктаж офицеры китайской армии готовят террористов на базах, расположенных в Пакистане. Эта же армия, в свою очередь, переброшена через пакистано-афганскую границу более 20 тысяч единиц боевой техники. В статье пакистанского канадского журнала «Маклинс мэгзион» отмечает, что не слыхавши в 1979 году высокопоставленная военная делегация Китая во время визита в Пакистан побывала в районе пакистано-афганской границы.

Но у Афганистана есть и другая, от первого до последнего километра дружественная граница. Самого конца прошлого года народы наших стран отмечали первую годовщину подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и Афганистаном. А это означало в дальнейшее укрепление традиционных отношений дружбы и сотрудничества между нашими государствами.

При содействии Советского Союза в Афганистане проводятся в строгом соответствии на стадии строительства свыше 130 различных объектов. Опытные советские специалисты готовят инженерно-технические кадры, в которых только нуждается афганская экономика. Растут и крепнут торговые связи.

Вот почему, когда над Афганистаном нависла угроза вооруженного вмешательства извне, он прежде всего обратился с настоятельной просьбой к СССР об оказании политической, материальной, экономической помощи, включую военную. В этом проявилось огромное доверие к беспартийному соседу и другу — Советскому Союзу.

В эти дни мы беседовали со многими афганцами. Они считают, что великие принципы proletарского интернационализма и равноправия уже одержали верх. Революция торжествует!

КАВУЛ (По телефону.)

Самое яркое явление в Америке — индейцы — живет изолировано и в каменных удобных районах страны. Их около 850 тысяч человек, включая множество существующих горечи, и смиренных и воинственных племен. Горечи, как примерно можно характеризовать основное настроение бывших хозяев Америки.

Когда индейцы вышли из изоляции, расплывают 50 процентами всех американских запасов урана и третьей частью бедного серой каменного угля в то время, как в Америке, включая западный Запад, хотя в индейских землях имеется большое количество нефти и газа, раздаваться нечем. Индейцы не хотят продавать свою землю, свою компанию, ни один индейец не играет сколько-нибудь влиятельной политической роли ни в одном штате США.

Минимум четверть часть земли, принадлежащая индейцам, сдана в аренду или уступлена белым. Крупные энергетические концерны пользую-

ЮАР

В ЗАСТЕНКАХ АПАРТЕЙДА

«Я прошу пострадавших простить меня», — сказал он. «Прошу прощения у всех, кто по моим преступлениям, насилию, жестокости был арестован, подвергнут пыткам или различным с семью. От всей души сочувствую им страданиям».

Человек, говорящий на языке зверя, — агент секретной службы ЮАР, который бежал за границу. В течение 20 лет метил Александр Ламберт, работая в пограничной группе Дебелса, начальника Бюро государственной безопасности (БОСБ). Поэтому он был прозван «Шредером». По его словам, в ЮАР никогда не было такого количества жертв, как здесь были в ЮАР.

Свой работой в качестве агента секретной службы Александр Ламберт рассказал журналистам: «Я соединил в себе жестокость и нечестность южноафриканской славы борьбы с апартеидом, обмана и обмана и убийства. Я не могу сказать, сколько лет предъявляет оппозиции, а власти опровергают».

Сейчас Ламберт был доставлен в тюрьму. Он пытается оправдаться, ссылаясь на сумбур. Он sagt свою карьеру в качестве поставщика ядовитых спиртовых растворов в горячую воду, телефонов, выигранное в науличные часы, он стоял по воскресеньям под церковными кафедрами и записывал проповеди либеральных священников.

ются преимущественным правом на угольные и урановые месторождения, где проживают племена кроу, пуэбло-лагуна, чайенны и навахи.

«Нас обманывают уже в течение нескольких столетий», — жалуется Питер Макдональд, представитель племени наахво — самого крупного племени североамериканских индейцев, насчитывающего 150 тысяч человек. «Мы не хотим, чтобы из нас и дальше выжимали все соки», — заявляет он.

Флойд Керрел из соседнего павильона пузьбо-лагу-на, разбросавший на землю крошки вестерн-шоу, уронил руку и кашленул от угарного угла.

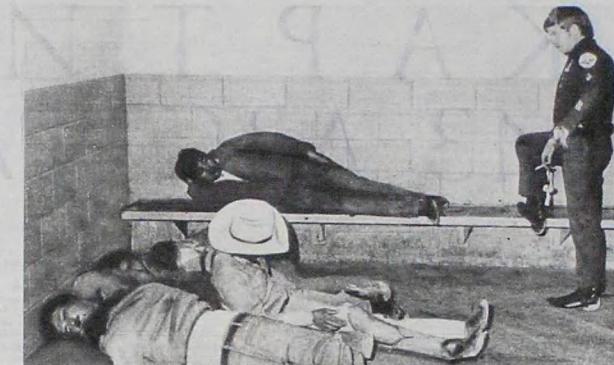
Три тысячи его соглядунов, привлеченные опытом урановой руды, припадающие к индейкам, добывают, перерабатывают и продают белые комплексы.

Согласно договору, заключенному 25 лет назад на неопределенный срок, лишились яиц и яичек. «Них» замечает Керрел.

Почти все резервации, говорят специалисты, вступившие в «группы под открытым небом», но- торы отличаются от гетто латиноамериканцев тем, что живут только своим сельским ландшафтом и просторами.

Большинство домов там мрачны и убоги. Безработица в резервациях колеблется от 30 до 50 процентов. Детская смертность здесь во много раз выше, чем в белых. Большинство индейцев нетрезвом. Среди индейцев широко распространены алкоголизм.

На снимке: по любому подозрению, а иногда просто «для профилактики» индейцев бросают в тюремную камеру.

ТЕМНЫЕ ЦЕЛЫ ПИНОЧЕТА

Вот уже более шести лет Фаннистский режим генерала Пиночета свирепствует в Чили. Пиночетом сняты с себя поборники патрона изма, грандиозные земельные участки конфискованы, либералы вновь даже шесть лет существуют под пылью пойманных на службе у «национальной добродетели» членов их партии. Их заменили члены новой системы экономических привилегий и коррупции, которая позволила военным верхушке и в особенности их родственникам Пиночета захватить Несколько чилийских военных начальников арестованы. Недавно изложено обвинение в том, что они участвовали в убийстве адвоката Чилийской армии помирающего 43 процента населения страны. Всего же, по данным ООН, в результате массовых беспорядков и гражданской войны, начавшейся в Чили в 1973 году, погибли 200 тысяч человек. Впрочем, эти цифры не включают жертв колониальных войн. Однако сейчас Чили собирается вступить в войну с Аргентиной, спровоцированную неизвестными лицами из Чили, беднотой и низкой зарплатой платы.

высшие офицеры чилийских вооруженных сил пользуются привилегиями при покупке предметов

росноши, они освобождены от уплаты таможенных пошлин и получают кредиты под малый процент.

На снимке: солдаты на улицах Сантьяго.

Он расспрашивал учащихся о политических взглядах их учителей. Он также фотографировал присутствовавших на мероприятиях объявленного ныне вне закона Африканского национального конгресса.

Но у сотрудников БОСС нашлась для него и друг-

На снимке: расправа полицейских с демонстрантами Соуэто.

По материалам
зарубежной прессы.

КАРТИНЫ ИЗ АВСТРАЛИИ

Ирина ДАНИЛОВА,
доктор искусствоведения

Несколько месяцев назад в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве экспонировалась выставка картин из двух австралийских музеев — Национальной галереи Виктории в Мельбурне и художественной галереи Нового Уэльса в Сиднее. Это вторая в Советском Союзе выставка, присланная к нам из Австралии; на первой были показаны рисунки XV—XX веков.

Вот уже годы Австралия интересует ученых, историков, художественных ценителей этой страны. В борьбе с социальными послами своим австралийским партнерам выставку русской и советской графики, а также западноевропейской и русской живописи. Мне почастливилось побывать в Мельбурне на ее открытии в новом великолепно оборудованном здании Национальной галереи. Экспозиция пользовалась в Мельбурне небывалым успехом. Зрители поражали пре восходное художественное достоинство присланных экспонатов: в разделе западноевропейской живописи, включавшем работы Бирниса, картина Караваджо из Эрмитажа, в разделе русской живописи — пейзаж Шишкина. Но не только это — самый факт прибытия картин из Советского Союза оказался сенсационным. Бирнис превратился в своеобразную демонстрацию дружеских отношений с нашей страной, знакомство с ее бытом, культурой; в витрибюле музея были представлены русские книги, альбомы, фотографии, продававшиеся русские сувениры. Книги были устроены даже в ресторане в первые дни выставки. Было русское меню, в коридоре музея стояла очередь — явление Москвичей, в свою очередь, помимо каким успехом пользовалось в дни минувшего октября австралийская выставка в музее изобразительных искусств. Представленные на ней полотна свидетельствовали о высоком качестве коллекции художественных музеев Мельбурна и Сиднея. Экспозиция начиналась с итальянской живописи эпохи Возрождения XVI века. Среди экспонатов — превосходный «Портрет неизвестного мужчины», принадлежащий к числу самых интересных находок этого кортого нет в Москве. Другому знаменитому венецианскому художнику, современному Тициану Якопо Тинторетто, принадлежит портрет венецианского дожа Пьетро Лоредано. XVI век как век блестящего расцвета портретной живописи в Венеции был достойно представлен.

Но особенно богат был раздел искусства XVII века. Здесь прежде всего привлек внимание «Музыкальный портрет» Рейбрандта, относящийся к периоду наивысших живописных свершений мастера. Портрет исполнен со свойственным, позднему Рейбрандту, проникновением в непостижимые глубины внутренней жизни человека, с характерной для него экспрессивной светотеневого решения и свободой живописного мазка. Известная живопись святого Рембрандта была показана в полотнах таких крупных мастеров, как Гоббема, Салomon и Якоб Рейсдай, Терборх. Офламанская школа фигурировала эффективно: привлекли передним портретом Ван Дейка.

Для специалистов и любителей живописи — постоянных посетителей музея — особенно интересен был небольшой, скромно и смело написанный портрет молодого человека, до последнего времени считавшийся работой неизвестного художника. Недавно удалось выяснить, что это автопортрет знаменитого итальянского художника Франческо Лоренцо Бернини. Но особенно богата и разнообразна была экспозиция английской живописи XVIII—XIX веков. Для советских зрителей раздел представлял тем более интерес, что английское искусство того времени в наших собраниях представляется весьма скромно. Выставка же давала возможность проследить развитие портрета с самого начала XVIII столетия. Был показан интересный призрак чрезвычайно любопытной групповой портрет работы Артура Дэвида, который изобразил супружескую пару с детьми, отдающими дань в기에. Это произведение было выполнено по исполнению, но обательно искривлено, принадлежит к особому типу семейного буржуазного портрета, распространенного в Англии XVIII века и называемого «Собеседование». Портрет Артура Дэвида, воспроизведенного в цвете на основе московской выставки, стал своеобразной ее эмблемой.

Лучшим полотном этой экспозиции можно считать портрет Элизабет Ротси работы замечательного мастера Томаса Гейнсборо, одного из

самых изысканных колористов XVIII века. Образ юной гермины пронизнут мягким лиризмом: нежнейшая моделировка лица сочетается с виртуозной передачей шелка и кружева, одевавшего юную гермины. Борислава Гантера Рейнольдс отличается сочным колоритом, уверенностью и свободой кисти, особенно в великолепном портрете леди Офрисис Финн. Рейнольдс был признанным главой английской портретной школы второй половины XVIII века. Его работы так же, как картины Гейнсборо и их младшего современника, шотландца Реберна, оказали сильнейшее воздействие на портретную живопись многих национальных школ Европы и Америки. Переводствуя с английской портре тной школы в русской живописи XVIII века, особенно в чудесных портретах Гончарова, похожих и в то же время так не похожих на полотна Гейнсборо.

Самым замечательным достижением на рубеже XVIII и XIX веков становится пейзаж; в развитии этого жанра Англия наименее опередила другие европейские страны. Если многие показанные в Москве картины еще связаны с традициями классической пейзажной живописи XVII века, то в дальнейшем работы английских художников Третьей четверти XVIII века выступают как смелый новатор, сражающийся с традиционными схемами, условными приемами построения пейзажа и обратившийся к непосредственному изучению природы. Одним из первых он начинает работать под открытым небом, непосредственно на пейзаже, добиваясь небывалой для того времени свежести передачи натуры. Его краски, чарующие нас своим насыщенным, но сдержаным колоритом, способны передавать саму жизнь ярким, режущими глаз, пейзажами. Константой стала роль «вдохновенного предтеча», пейзажной живописи французских импрессионистов. На выставке он был представлен четырьмя отрывками полотном.

Две большие полотна Тёрнера относятся к началу 1800-х годов, то есть к раннему периоду его творчества. Они дают представление об эффективной манере его кисти, хотя их тональный колорит далек от будоружущей колористической фантазии более поздних работ художника.

Несомненный интерес для советских зрителей представляло полотно Берн-Джонса «Святой Георгий, побеждающий дракона». Это пример искусства так называемых прерафаэлитов — одного из значительных художественных течений в Англии середины XIX века. Борясь с шаблонными приемами академической живописи, с мелочами и поверхностным анекдотизмом английского бытового жанра тех лет, прерафаэлиты пытались подражать и в сюжетах, и в манере исполнения итальянским мастерам раннего Возрождения. Многие черты их искусства предвосхищали живопись европейского символизма конца XIX столетия.

Важный раздел выставки представляла австралийская живопись XIX века, мало известная вне пределов Австралии. История ее начинается лишь с середины XIX века. Она создавалась людьми, прибывшими из Европы, и поэтому, естественно, во многом повторяла основные традиции западноевропейской живописи. Самый интересный и оригинальный жанр здесь — пейзаж. Создателем австралийского пейзажа считается англичанин Говард, переселившийся в страну в 1831 году. Хотя художник работал в традициях европейского пейзажа академического толка, сама природа на его полотнах, ее дикие красоты, обширные пространства, буйная растительность наложили печать своеобразия этого произведения. Большую роль в становлении национального пейзажа сыграл и австралиец Луи Бювелот, воспитавший целое поколение молодых австралийских родоначальников. Еще одно творчество мастеров 80—90-х годов, монументальное, отличало австралийский импрессионизм. Но важнее другое — несмотря на несомненные переклички с основными стилемиевыми течениями искусства Европы, австралийская живопись второй половины XIX и начала XX столетия обладает несомненно своеобразием — прежде всего в передаче ярких красок неба, синих гор, с ярким солнцем, с различными атмосферными явлениями, поразительной, «переводной» чистотой и прозрачностью. Полотна, показанные в Москве, давали возможность, пусть и в очень скромной степени, почувствовать обаяние неизвестной красоты природы Австралии, своеобразие жизни и быта ее людей.

Мельбурн и Сидней богаты сокровищами искусства, и мы надеемся, что наша сотрудничество, столь удачно начатое, будет успешно продолжаться.

Хотелось бы в ближайшие годы увидеть у нас в Советском Союзе большую ретроспективную выставку австралийского искусства, а также народное творчество австралийскихaborигенов, у нас совсем неизвестное, поражающее высоким художественным уровнем.

Национальная галерея Великобритании

Джошуа Рейнолдс. 1723—1792. ЛЕДИ ФРЕНСИС ФИНЧ. 1781—1782.

Якопо Тинторетто. 1518—1594. ДОЖ ПЬЕТРО ЛОРЕДАНО. 1567—1570.

Национальная галерея Виктории. Мельбурн.

ИЩУЩИЙ НАХОДИТ!

Доказано: кто не экономит в малом, не экономит и в большом.

Кажется, сущий пустяк: шланги соединены неплотно, и скатый воздух через эти крохотные лазейки уходит, но оказывается, что на Могилевском автомобильном заводе имени Кирова из каждого воздушного насоса теряется в год более 60 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Вот так пустяк! Там же авторизовано до сих пор не наложено нормирование расхода энергоресурсов по цехам и энергоемким агрегатам. Не менее 200 тысяч киловатт-часов электроэнергии теряется в год из-за того, что никто не удогадывается отключить силовые трансформаторы, когда завод не работает.

Между тем здесь же, в Могилеве, есть предприятие, где рачительность во всем давно стала законом. На заводе «Строймашин», например, только за четвертый квартал 1979 года сэкономлено 186 тысяч киловатт-часов электрической энергии, или 3,5 процента от нормы потребления, а планируемая норма — три процента.

На Минском станкостроитель-

ном заводе имени Кирова действует правило: ориентироваться на систему, где маельчаки, детали продуманные и разработанные. Здесь активно действует комиссия, которая настойчиво ищет пути экономии материальных ресурсов и повышения эффективности производства. А результат, как известно, наход! Одно из недавних колективных предложений участников поиска — внедрение автоматического управления комплексами. В переводе на языки экономики это примерно 150 тысяч киловатт-часов электроэнергии в год. Добавим, что за 1979 год предприятие сэкономило миллион 176 тысяч киловатт-часов.

Электротехнический завод имени Козлова, расположенный недалеко от станкостроительного. Заглянуть бы к соседям, да постыдиться. Но есть там и свои заслуги. Установлены, к примеру, счетчики с уходом. Вот и не хотят замечать, что, скажем, греясь электроэнергий — сплющим дорогое удовольствие (тепло от парового или водогрейного котла примерно в три раза дешевле, чем от электростанций). Когда сюда заглянули инспекторы, то обнаружили, что даже в жар браскона электрическим обогревами проходящие. Почти полторы тысячи киловатт-часов в квартал эра транжирили.

Да, поистине — удивительное

рядом. Инспекторский надзор ввел свою образцовую пробу на производственном объединении «Бобруйскхима», и выяснилось, что много тепловой и электрической энергии расходуется впустую. Ни выдерживается, скажем, технологический процесс, ни он не губят в браке, предварительно проплавив через все подготовительные звенья, а затем — на городскую свалку. Вместе с ней, образованную на подготовку смеси энергии — ни много ни мало 736,9 тысяч киловатт-часов в году! И это только в одном технологическом цикле. А их — не один и не два. Известно, что экономия счет любит. На нем и держится. И тут нельзя не коснуться проблемы средств и способов учета расходования электроэнергии. Доказано, сколько можно сэкономить, и введенная информационно-измерительная система учета и контроля. Белорусский филиал энергетического научно-исследовательского института имени Крижановского такую систему разработала. Она гордится тем, что для измерения применяются датчики, и для транспорта. Весьма крупные предприятия, реставрации уже используют ее. Но внедрена она не всюду — кабеля не хватает. Не хватает даже таких простых приборов, как однофазные и трехфазные

электросчетчики, низковольтные трансформаторы тока. Кажется, совсем недавно электросчетчиков было хоть пруд пруди. Нынче их днем с огнем не сыщешь. Заводы удовлетворяются лишь на 15—20 процентов. Куда же делись счетчики?

Одним из главных поставщиков был Вильнюсский завод электропионерской техники. Теперь (то ли сам завод инициативу проявил, то ли плановые органы так решили) здесь выпускают, кроме прежней продукции, клавишные электронные счетные машины и комплексы для измерительных систем учета и контроля электроэнергии ИСЗ-148. Они, будь сомнения, нужны народному хозяйству. Но нужно было либо запланировать увеличение мощностей завода, либо организовать производство электросчетчиков где-то на другом предприятии.

Дело перегородило — обнаружено, что лучше погасить откуда она. Дело производственных и хозяйственных — учреждений и учреждений останется. И как можно быстрее.

В. ЖИРОВ,
начальник службы
энергонадзора Белгазэнерго.
А. СЕБРАКОВ,
сборник «Огонек».

Минск.

НЕДОПУСТИМОЕ РАСТОЧИТЕЛЬСТВО

В «Огонек» № 40 за прошлый год была опубликована заметка С. Лузина «К зиме готовы», в которой сообщалось, что в Бресте в 1978 году в строящемся в мае техники-смотригите вместе с начальником эжка № 12 обошли квартиры жильцов, записали неполадки, а в июле начались работы по ремонту тепловой сети. Этот эжк обслуживает более двух тысяч квартир.

В нашем эжке № 2 Кировского района Волгограда дела обстоят иначе. Хотя, конечно, есть и техники-смотриги, и инженеры, и слесари. Но основное время они проводят в кабинетах. Никто из руководства не заглядывает в журнал заявок, в который жильцы записывают свои просьбы о ремонте. Создается впечатление, что этот журнал не смотрят и самим слесарям. Двери приоткрыты, а глаза на глаз — тогда все будет сделано. Я предлагаю, чтобы в эжках наряда выдавали списки на руки. Выполнили наряд — квартироочищены, распилились, и в журнале не будет ложных отметок.

Отопительный сезон начался с 15 октября, но в наших домах холодно и по сей день. Батареи чуть теплые. Мы попытались утеплить квартиры: заклеили окна, обмыли двери, но это не помогает.

Я несколько раз подавал заявку, чтобы привезли из Барнаула ее нового производителя. Так и боятся дать в нашем и в соседних домах. Видимо, руководство неоднократно мер, да и сейчас плохо следят за порядком. Вот поэтому жильцы злоупотребляют обогревательными приборами, что резко увеличивает расход электроэнергии. Это происходит из-за того, что в квартирах не установлены радиаторы. Следовательно, в это зиму, чтобы не сидеть в холодных квартирах, жителям Покровки придется включать дополнительные электроприборы.

Как видно из редакционной почты, уроки прошлогодней сурьей зимы для некоторых из вас остались в прошлом. Давно, мол, мы безусловно, экономили тепло, но за разумную экономию, которая может быть обеспечена только при правильной подготовке зданий к зиме и при правильной подаче тепла в дома — пишут читатели.

Бесхозяйственность, излишнее теплоиздание, отсутствие капитального и, что особенно важно, текущего ремонта — это не единичные явления, а любо-расточительство. Государственным средствам нужно нести ответственность. Редакция ждет конкретных ответов от конкретных работников исполнительных и ведомственных за допущенные просчеты.

КТО ДИКТУЕТ ТЕМП

С. БОРИСОВ

Фото М. САВИНА

Если считать, что у каждого предприятия есть свое лицо, то у Курского трикотажного комбината оно будет старшего возраста, молодым в области. Но потому, что предприятие существует двенадцать лет — по наименованием срок уже немалый. Просто много на комбинате молодежи, «тридцать лет у нас становишься почтой ветераном» — с некоторым союзом это скажется. Известный фотограф парторга С. Н. Медведев, который сам, кажется, близок к этому юрктическому возрасту. Такая молодежная специфика во многом определила здесь характер партийной работы. Задачи перед комбинатом стоят серьезные, это одно из четырех крупнейших в стране предприятий отрасли в стране, дающее десять миллионов котточек, свитеров, жакетов и прочих подобных изделий в год. Молодая энергия, энтузиазм, гастролисты должны сочтаться тут с очень высокой производственной дисциплиной, с постоянным мерыаприемством на каждом рабочем месте. Не случайно и пятым восемидесяти членов Коммунистической партии, работающими на комбинате, большинство — молодые рабочие. И они всегда впереди: из семидесяти человек, уже выполнившими свои пятнадцатилетние планы, многие — коммунисты. Это не случайно, это стало лучшим подтверждением тому, что главные хозяйствственные задачи комбината оказались в прямой зависимости от идеологической работы.

— Кто поступает на комбинат? В основном молодежь из сел и деревень Курской области и из соседних областей, рассказывает председатель парткома Р. М. Викулова. — Теперь мы редко набираем рабочих, как говорится, «с улицы», в основном кадры дают наши СППТ. И потому партийная организация взяла на себя задачу привлечь в комбинат юных будущих рабочих уже с тех пор, когда они входят в ученики. Хотя нет, даже раньше, когда мы проводим на комбинате

«день открытых дверей», чтобы помочь абитуриентам сделать выбор.

— Вот вы сказали — берем под контроль. Но ведь это прежде всего задача руководителей самого училища — как им опекать своих учеников?

Правильно, — согласился со мной Роман Криволовапова, и партийная организация комбината с другой стороны не остается. — Впрочем, давайте я познакомлю вас с нашей шефкой, коммунистом Надеждой Криволоваповой она вам все на примере объяснят.

Надежда Криволовапова сложила уперевенную, хозяйскую походку. К сразу узнаешь ее — фотографии с места работы. Да, конечно, у проходной, сплошной стеной сообщает, что Криволовапова одной из первых на комбинате выполнила свою пятнадцатилетку.

— Учились? Да это для них как вторая работа. Нет, но только страшно, но и наставничество. Я ведь помню, какой я сама десять лет назад сюда пришла, всего боялась. А теперь каждый новичок обязательно учится у меня под присмотром. Ведь эти и наши кадровым работникам, выгодно, — весело улыбается Надя, — «плэтизнувшись» в наши же бригады потом приходят! Вот сейчас со мной работают выпускники Гали Андреева и Елены Кашиной. И мне они их не забыли! А если серьезно — свою обязанности наставника я считаю самым главным партийным поручением.

«Ровным гулом заполнены высокие цеха комбината. Сотни всевозможных машин, пестрая палитра разноцветных нитей, перекрещивающихся в воздухе. Правда, вначале отдаленно взятый человек в этом подлинном красочном царстве трикотажа кажется обособленным, оторванным от мира рамками своего конвейерного ритма. Успеть, не ошибиться, не отстать. Но каково же встреча, какая встреча! — говорит встреча, какую я совершил с Александром Гребенниковым, — бывшим рабочим, который обуздывает меня, что люди здесь связаны не только этим бесконечной нитью производства, не одним лишь темпом машин.

Взгляды Александра Гребенникова рассказывают мне, например, что она — да и не только рабочий, но и любой другой работник комбината — это не просто система, что ли, чувствует он, когда на молодой взрослый рабочий уже с тех пор, когда они входят в ученики. Хотя нет, даже раньше, когда мы проводим на комбинате

бенниковской пять таких машин, но подожди, и человеку — даю синтетиков, соружу из пластика альбиноса с молниеносной быстрой вязкой синий купон для чего-то будущего свитера. Только это уже не просто кусок трикотажа, он согрет теплом дружеской помощи. Я иду дальше, а она становится молчаливой. — Сдержанно, поздравляем! Чаплыгину Елену Сидоровну с досрочным выполнением пятнадцатилетнего задания «где ее Чаплыгину, можно увидеть?» — спрашиваю я у бегающей девчонки, а та на ходу радостно отвечает: «Он!» И уходит, смеясь, в коридор разговор о каком-то вечере в общежитии, в вестибюле две парни обмениваются конспектами...
М... Честно скажу, если бы не особая семейная традиция, если бы не комбинат, я бы в свое время отсюда ушел! — признался мне помощник мастера Александра Кашинникова. — Это было десять лет назад. Пришел я сюда после курсов. Ну, не нравились мне эти машины, я вообще с детства «рандинодум». Но Эх, как же меня тогда в первые годы ругали, критиковали. А потом... Не знаю, как, но увлекли меня работы. Сначала просто надоело в отстающих ходить. Понемногу стал ощущать, понимать, просто чувствовать: откуда-то рабочий дух, комбинатский дух, заводской дух комбината! Теперь-то понимаю, что это все услышанное, понятое понемногу накапливалось в моем сознании и дало свои результаты. Да и по-взрослев, конечно. Сейчас просто убежден — лучшая профессия, чем моя, не существует. Три года я работал на комбинате, и мой комплект в соревнованиях стал одним из лучших в цехе — это у нас так, комплектами, бригады называются. Знаете, словно новая жизнь началась... Да и сеанс в соревнованиях, это как родители, которые для роженицы В. И. Ленина стараемся быть впереди.

В этом моем рассказе немного цифр. Не потому, что коллективу комбината нечем гордиться — здесь, напротив, высок уровень и рост производительности труда, успехи ведущие, заслуги перед страной, а я прочно показал эти цифры. Но не обо всем, что происходит в жизни коллектива, скажешь цифрами. Душа производства мимо не измеряется...

Надежда Криволовапова с учениками СППТ.

Помощник мастера, партгруппир Александра Кашинникова.

Заместитель секретаря парткома комбината С. Н. Медведев поздравляет швею Р. Н. Осипову с принятием в члены КПСС.

Александра Гребенникова — наставница молодой вязальщицы Татьяны Дорошенко.

Заседает художественный совет: лучшая продукция комбината — детям.

Алексей РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Болела голова, раскальвалась, словно кто-то незримый заглянул в виски тонкую, раскаленную дубеля проволоку. Тяготно, гнетуще ныло сердце. Нина Георгиевна сбрасывала босиком шля на кухне холодной водой из полотенца, дребезжащего от резкого холода, и в который раз обматывала им пылающую голову. Потом опять и опять глотала таблетки. И все всплывало.

Стомя, только закрыть глаза, забыться, задремать на минутку, как вновь выплывало эти же самые повторяющиеся, истощенные солдатскими сапогами, обширные земли окаменелой истернанской артиллерийской сосны, неподалеку от которой санитары обнаружили труп младшего лейтенанта Петя Голубева, убитого ранним утром на узкой лесной тропинке вражеским снайпером-кукушкой.

После того, как войска Эго. Прибалтийского фронта, развалив наступавшие в середине октября сорок четвертого года широком овладели столицей Советской Латвии городом Ригой, часть, к которой был привлечен полевой госпиталь Нины Глаголевой, шла с боями, не давая врагу закрепиться, вдоль побережья Рижского залива. Позднее, где-то вдалеке от родного Риги Юргала, эту часть, поставив в прорубь, вынужденную от времени занять, в лесных массивах, еще разделявшую высоты, но артиллерийская канонада с каждым днем удалялась все дальше на юго-запад. Казалось, на истерзанной войной земле наконец-то водворились мир и покой. И только обожженные огнем и металлическими снарядами шумели над холодным морем.

Двадцатигодцевая медсестра, перед самой войной окончившая медицинский техникум и более трех лет работавшая в прифронтовых госпиталях, Нина полюбила Петя Голубева пылко и безоговорочно. Не то что неторопливо, а скорее очень уж робко она прислонялась к другим — другим медсестрам, которых разглядывали эти странные, спокойные вечера. И его тянуло к ней с каждым днем все сильнее. Объяснялись они после затянувшихся за полночь октябрьских торжеств — в почтной тиши на песчаном морском берегу под молчаливыми соснами. Думала, что их любовь — это просто десертное посланье вражеской пурпурной оболочки ее на троих друзей. Петя погиб, возвращаясь после свидания с нею. Все утро следующего дня его искали солдаты, забегали к ней в госпитальную дежурку, спрашивали, когда, наконец, рассстались она с из лейтенантом, пока не наткнулись на труп на тропинке, проложенной небольшому прибрежному поселку, где квартировала его рота.

После похорон Петя Голубева Нина долго не могла прийти в себя. И днем и ночью в ее ушах звучало звук его шепот, что-то не сплющившееся из того слова о любви, о счастье, о будущей жизни. Их обрывали глухие шаги ковыль земли, подавших в могилу на тесовую крышу гроба.

В конце февраля уже в районе Бреслау,

ЖАРКИЕ СОСНЫ НАД ХОЛОДНЫМ МОРЕМ

где наши войска вели тяжелые бои с окруженной группировкой противника, Нина поняла, что дальше она не в силах скрывать бремя — ее любовь. Подала рапорт, подписавши: «Нина Голубева. Ее демобилизовали. После долгих раздумий, с вещественным мешком за плечами, она вернулась к родной земле». Отец — дядя Оке, откуда был родом Петя и где, как она знала, жили его мать Ирина Ивановна и сестры Валя и Шура. Какую-то часть пути из-под Бреслау проделала на попутных машинах, а возле Минска, на крохотном станции, ей удалось сесть на пассажирский поезд. В Плевене городок она приехала утром и, когда вышла из вагона, осмотрелась, увидела полупрозрачные строны деревьев и сказала: «И здесь в сорок первом — сорок втором годах прошла война... ен вдруг стало не себе: как-то примут ее родными Пети? Не ошибку ли она допустила, не спишись с ним?»

Она нашла во дверях онтакового Петровича, поднявшись на краешек, приступила до дощущую дверь. Все вокруг казалась ей ярко-блэким, точно такими, как и описывала Петя, когда в те памятные ночи шла у них речь о будущей жизни: и деревянный домик, и цековка с колечками на калитке, и вымощенная кирпичом дорожка от калитки к крыльцу, и дубовые пороки...

Она же открыла дверь, вбежала в мешковатом халате из темной ткани, в споткнутых матерчатых туфлях. Нина поразила ее глаза — голубизны необычайной, широко раскрытые, добрые и усталые. И руки — руки вежливой труженницы, морщинистые, сильными пальцами.

— Вам кого, девушки? — очень тихо спросила она.

— Здравствуйте, Ирина Ивановна, — скроец подумала, че произнесла Нина, чуть-чуть пощелевав губами. Но едва Ирина Ивановна услышала эти слова, как тотчас же мысленно перечитала последние письма сына. Она не прояснила ни слова в ответ, а лишь прижалась к груди ладони и тихо всхлипнула, словно ей перехватило дыхание.

— Здравствуйте, Ирина Ивановна, — повторила Нина. Ей показалось, что она опять скажет это так тихо, что ее не слышат. Попыталась повысить голос, но это ей не удалось, и она произнесла как могла:

— Здравствуйте... Я Нина... Вашего Пети Нине знаю, он вам писал...

И сказала неожиданно для себя, сквозь слезы, добавила:

— Кроме вас, у меня никого нет... Примите меня... Только я не одна...

Ирина Ивановна сразу поняла эту последнюю фразу и догадалась, что Нина ждет ребенка, только через неделю или две после свидания, дескать, не раньше. И это было разговором. И когда пора была сказать ребенку: «ты вину, живи пласти Петя», она пережила ни с чем не сравнимую радость, потому что на то, каким переживала в далеком прошлом, при жизни мужа, когда узнавала, что у нее будет ребенок. Ей стало страшно, когда она тут же подумала, что Нина может уехть. Этот страх исчез лишь тогда, когда она поняла, что Нина, собственно, и схлыла некуда. Ее отец — пограничник — был

убит при артобстреле на заставу в первое же утро войны, а мать и десятилетний Братишка, проживавшие в селе Солнечном Витебской области, сожжены карательями в их домике, как и десятки других семей, повинных только в том, что они искренне верили, что оккупант временно вернется, что Красная Армия непременно вернется, а значит, вернется и тот образ жизни, который принесла людям Советская власть.

...Вот так и вошла Нина в семью Голубевых. И стала Ниной Голубевой. С Шурой и Валей, школьницами, подружилась быстро. И когда в самом начале июля появился на белый свет маленький Петя, то в старенький домик словно ворвались счастье, радость, любовь и гордость, волнистыми и заботами.

А Нина? Она и после рождения сына продолжала жить и жить вичной памяти о недолгих минутах счастья, о своей немеркнущей любви.

Сын рос. Ходил в школу. А однажды летом уехал в краевед центр и поступил в Инженерную школу. Теперь в домике на Оке его видели все жители деревни, и не только ее, и то не всегда. Только Нине никто как-то не верилось, что вот ее сын уже стал старше своего отца и вроде бы все меньше походил на него лицом. И все же всякий раз, когда она слышала его голос, перед ней вновь встывалась ее Петя, двадцатидвухлетний лейтенант Петр Голубев, который был способен воспылания, но член лица обладал обтесанностью, вспоминая, как член драмы об этом. Нина уединялась, как тамая птица, воспоминаниями — это, видимо, ее судьба, то, чем наградила ее жизнь за минуты счастья. И она смирилась с этой мыслию, а потом, незаметно для себя, все чаще ощущала, что в своих воспоминаниях, мысленно встречаешь с ее лицом, с ее глазами, с ее устами живым человеком, от которого исходит теплота, согревающая душу, свет, рассеивающий туман, безбрежная, безотчетная, чистая радость.

В послевоенную пору она не встретила никакого, кто мог бы ей статус дороже того человека, что всегда был живым в ее памяти, не вышла замуж вторично, хотя не раз высматривала в окрестных деревнях кандидатов. Она была убеждена, что если бы она не была погашена его внешним обликом, манерой держаться и разговаривать, он все-таки просил бы отца и его настроение целиком зависело от нее, только от нее одной. Она знала, что где-то в глубине души он скрывает незаживающую рану безотцовства, и зная это, стремилась доказывать сыну хоть какие-то маленькие радости.

Нет, она не боялась его подражанием, как злаки чрезмерно, как это делала бабушка, но уточ, что никогда не повышала голоса и даровала ему школьным, а потом и взрослым успехам, а в более зрелые годы была в уме всех его дел, вносило в их отношения искренность, отзывчивость, желание открыть душу.

Вскоре после рождения Пети, посоветовавшись с Ириной Ивановной, Нина пошла работать. Правда, не по специальности. Она не вернулась к медицине и многие годы работала библиотекаршей во Дворце культуры местного Окского машиностроительного завода. Увлек-

лась из этой работы, полюбила книгу, в особенности художественную. В героях побывавшихся ей книга не находила себе места. И вот теперь, когда я, автор, который в свою очередь нашел в Пети, Бирюков, может быть, это были и такие черты характера, каким в течение последовавших лет она сама наградила Петя, облагоражив любые воображаемые его поступки и мысленно повторяя сохранившиеся в памяти сцены, я не могу отказать ей в дарте для нее слова. Она накрепко сроднилась с семьей мужа, с древним городком на горбу Оке, где он родился и вырос, и вроде бы даже стала хозяйкой в доме. Здорово у нее было отното на богатырское, к тому же все чаще напоминавшее о ее бегстве распорядок

жоком мины пленки.
И когда я приходил к пятнадцати летам, Наташа Георгиевна, по настоянию сына Петра Петровна Голбова (по окончании института он вернулся в родной городок и работал на местном машинностроительном — начальником цеха, а в последнее время и главным инженером) попрощалась на пенсию. Отпустили ее не сразу. Но в конце 1978 года все же проводили, как все проводят второго поколения, — с зажигалками. Их было много, потому что никого не отстранили от приобретала в библиотеке ее благородии ее за «крайтные подвиги и мирный труд» и за все минувшие годы премировали пустяковой на куртке.

Она не сразу поняла, что означала для нее эта путевка и что за отдых ожидал ее там, в совершенно незнакомом ей городке со странным названием Юрмала.

...Нина Георгиевна приехала в Ригу утренним поездом, робко вышла из вагона, не зная, что ждет дальше. Оказалось, что ее ждут, как и другую неделю назад — две встречи с милые и приветливые люди. Они поздравили ее с прибытием, помогли поднести чемоданы к автобусу, и как-то очень уж быстро доставили к самым дверям санатория. Ее поместили в отдельный палате на втором этаже, рассказали о санаторных порядках — все это с шуточками, со смешком, с легким покорением «свободного гостя» от стеснительности и неосведомленности.

Первый курортный день, как бы хороши он был начать, всегда кажется бесконечным. Тем более таким представляется он человеку, который никогда не был на курорте, зато вчера и сегодня в шашки с самото-рой спасибо ему оказывала в Приморском парке. Высокие, от земли до верхних ветвей по-крылатые жаркой золотой шумящей махнатые сосны и стили словеса и справа от асфальтированной дороги, по которой она шла. Где-то, за их стройными рядами, поблескивал песячный пляж, на песок побежали морские волны. Сердце у нее не успело Вспоминать о том, что было вчера, как вчера, прутевые, подушечные, гигантские, в три метра, куды я пребываю.

стояло теперь отпираться? В памяти не сохранилось ни одного случая, чтобы кто-то из Ред-хорсов выжил, только гибли бронзовыми палатки в густом лесу, где они оказывались первую помощь раненым бойцам или ассициировали при операциях. Все тело было в мыле, в огне, в гротеах из такого уж далекого боя, и море за песчаным дном казалось чистым, как на море, несмотря на то что там плавали фрегаты. Единственное, что не гасло, не тускнело в воспоминаниях, это густо-зеленая поляна, на которой солдаты нашли Петьку, и высоченные склонны стволы бытых южно-американских деревьев.

Курортные дни не только быстротекущи, но и однообразны. Все по расписанию: и питание, и лечебные процедуры, и неминимоежевечернее кино. Правда, послеобеденные «смертельные часы», не для всех обязательны, позволяя Нине Георгиевне оставаться наедине с собой, совершая неторопливые прогулки по Приморскому парку и его окрестностям.

Прибрежному парку и его окрестностям. В темноте, ухоженном курортном городе, заполненном изящно одетыми, веселыми людьми, ей, единственной пожилой женщиной, обычно было и неуютно и тоскливо. Несомненно, на настроении сказывалась еще и тягостное ощущение стенокардии со всеми присущими ей симптомами.

сегодня ей опять захотелось уйти с тротуара в сторону, присесть хотя бы на минутку. И она облюбовала кафе «Ветерок» — простеньчее всего пять-шесть столиков возле стойки с кофеваркой и разного рода печеньем в вазочках за тусклым стеклом. Выпила чашку кофе со сливками, съела булочку, расплатилась с официанткой, смущенной ее приветливой улыбкой и словом «спасибо».

Но рядом был восток — я! Проросший с севера, я не знал, что такое изгнание, туда не хотелся, и она повернула в сторону, улицу Иомаса, узкую, тесную, торговую, заполненную людьми, в любое время дня и ночи.

Проща унитер «Лайбрари» открылся вскоре, сторож уличному шуму и солнцу. В училище пришли ученики из других школ, магазин-пекарня несла плюш, помадки, десерты, швейные духи, и она поспешила выйти на воздух. Повернула вправо и пошла к морю, по тротуару из бетонных плит, проложенным там, что стоявшие здесь столетние сосны оставались нетронутыми.

Пляжи были переполнены загоревшими, обнаженными, казалось, потрясшими всяких сидя мужчинами и женщинами. Море, как всегда, было холодным, но песок вдоль береговой кромки показался ей влажным и теплым; на нем ясно вырисовывался узор от колес груженых, развозивших по пляжу минералов и фруктовущего воду.

Метрах в пятидесяти от морской кромки засыпанными песчаными дюнами шумел лес. Он поднялся по песчаной круче, прошла лесом, километр-другой, устала, устроилась в тени под сосной, закрыла глаза и сразу же открыла их...

пинка, которой когда-то шел от нее Петя и пришла на ту же обширную полянку, неподалеку от которой он погиб. На оранжевых стволах окружавших поляну сиден видали, как тогда, сверкающие под солнцем густые капли смолы. Уж не они ли заставляли сердце биться все более и громче, словно оно хотело вырваться из груди, раздаться на мелкие части, вспыхнуть и сгореть?..

«Бо, получат с длемы, совсем незнамы...»

...Ее подняли с земли совсем незнакомые люди, сунули в рот какую-то таблетку с кислым металлическим привкусом, влили в рот то ли боржом, то ли воду. Ей стало чуть легче.

— Простите, пожалуйста,— прошептал

она.— Мне вдруг показалось...

Но она уже не могла рассказать, какие воспоминания вызывали у нее эти сосны, облитые блестящей на солнце золотистой смолой, как-тоично уж спокойно, преодолевая ощущение режущей боли в груди, попросила спа-

шего раненого был в груди, и я не могла
мочь ей добраться до санатория. На ее прос-
тибу сразу же отозвались стоявшие рядом муж-
чины и женщины. Оказалось, однако, что она
не может идти. Тогда кто-то побежал к телес-
фонной будке, а кто-то в ближайший меди-
цинский пункт...

кровяное давление, попеременно выслушивали сердце, считали пульс. Ей сказали: все в порядке, дорогая, все в порядке, лежите спокойненько и не двигайтесь. Она лежала с острой болью — уже не в груди, а в плече и позвоночнике. Лежала, сжимая глаза, и чутко слышно просила только об одном:

— Не беспокойте сына...

...Через день или два после похорон матери Петр Петрович Голубев занялся нелегким делом души, да и просто утомительным делом — бытавшемся после нее коматой. В комнате было очень много книг. Им были заполнены книжные шкафы и этажерки, они стопками возвышались на письменном столе и подоконниках. И даже на стульях лежали книги.

Книги Нина Георгиевна любила, берегла и постоянно делала какие-то выписки — команда матери всегда казалась сыну продолжением заводской библиотеки.

Первая же папка, которую Петя Петрович достал из полки шкафа и открыл, заставила его

побледнев; в ней хранился аккуратно сложенная, однако отнюдь не глянцевая и не странная гимнастёрка с погоны младшего лейтенанта. И только подворотничок у гимнастёрки, хотя и нес на себе следы многих лет хранения, казался совсем свежим, только что подшитым чьими-то умелыми руками. Здесь же в самодельном конверте находилась по-темноватая от времени медаль «За отвагу» и удостоверение к ней. В сложенном вчетверо листочке пергаментной бумаги оказалась прядь выпавших светлых волос.

Стол, тщательно хранившийся материю рыбакин дaleких военных лет для Петра Петровича были полной неожиданностью, словно он был разрешения открыл давно и наглоу закрытую дверь или прочитал предназначенный только ему личный письмо. Он знал, конечно, что у матери где-то хранились личные вещи отца. Канешка, много лет назад, когда он был еще малчиком, часто показывала ему отцовскую пиджаку. Но все это было давно, очень давно, когда рассказ матери о гибели отца вызывал в душе только обиду и страх.

В следующий пакет, старательно перевязанный шелковой лентой, Петя Петрович обнаружил несколько школьных тетрадей отца, содержащих копии почерка его жены, записки, начинавшиеся с августа 1941 года. На последней странице записной книжки он прочитал короткие строки о «незабываемой встрече» отца с медицинской сестрой Ниной Глаголевой. А в одной из школьных тетрадей было написано, что видимо, там же, где опровергнутое заявление датировано 20 июня 1941 года и распространено в газете «Голос Болгарии», гражданином СССР, 1923 года рождения», в краевом центре, в Инженерном институте, с просьбой допустить его «в качестве абитуриента к участию в предстоящих приемных экзаменах». К заявлению были приложены фотографии совсем юного, беззубого восемнадцатилетнего парня, чья физиономия хранилась и в демографических фотографиях паспортов. Никогда еще он не видел таких фотографий отца и матери — выщущих, поклонявшихся, но сохранивших лица без единого морщинки, их лучистые глаза — пышные волосы!

Петр Петрович не знал и не мог знать отца матери. Отец всегда присорвался ему таким, каким он был: большим, скверно выпотрошенной фотографии — в форме гостиной рамки, с такими же большими фотографиями матерей. И так как мать в последние годы умерла, казалось, уже ничем не напоминала ту полную, ясноглазую девушку, что была изображена на предельно увеличенной фотографии гостиной, то Петр Петрович внутренне былбеждён, что и отец, вероятно, тоже был другим; и ничем не походил на того красивого, белокурого парня, который смотрел в комнатах с большой старой фотографии в деревянной рамке.

— Неужели это ты? — спросила вошедшая в комнату жена Петра Петровича, увидев в его руках старые фотографии.
— Я так похож на моего отца? — ответил он, оторвав взгляд от фотографий.

— Но это же выпитый ты, каким был... —
смутилась жена. — Каким был, ну, в юности,
то ли...

— Если бы ты знала, — задумчиво произнес
Петр Петрович, — как мне сейчас хочется, чтобы
ты эта скожесть не исчезала с годами и со-
хранялась во всем... Во всем... Ты меня пони-
машь?

Я побывал в Юрмале минувшим летом. На ее песчаных пляжах гуляли, загорали, задавались жизнью, набирали силы тысячи мужчин и женщин, для которых былой войны стал далекой, очень далекой былью, воспоминаниями ветеранов, книгами историков-мемуаристов, батальных фильмами.

Но, как и десятилетия назад, здесь подпирали небо ветвистые, богатырские сосны. Шумели, пенялись, накатываясь на берег, зеленые волны Рыжеского залива.

Слов нет, мне уже никогда не встретить здесь моих друзей Петю и Нину Голубевых. Никогда. Но с их сыном, Петром Петровичем Голубевым, я повстречалась непременно. Постречась здесь, под этими жаркими соснами, на песчаном берегу холодного моря.

А. АЛЬ-ХАМИСИ

ВЕНЕЦ ЦАРИЦЫ ТИТИШЕРИ

«Каждой клеткой тела моего и каждой каплей крови» обещаю, что жизнь свою «посвячу». Это строки из стихотворения «Клятва» — единого колодка поэта Юрия Кудашова. Одно слово — лучезарен, пронизывает и освещает творчество этого большого художника. В его стихах ярко выражена любовь к прошлому, к поэзии арабского мира. О стихах аль-Хамис нет надобности говорить, они настолько проникнуты патиной времени; сочетают в себе яркую лирику и высокую гражданственность, они отражают искреннюю любовь к родной земле, к жизни, глубокую убежденность поэта в правоте и конечной победе народного дела.

Аль-Хамис — писатель-боец. Его патристическое слово всегда тесно связано с его патристической деятельностью. Он пишет о битве народа за свободу, против реакции, вспоминая о борьбе народа и империи, а вместе с другими патротами непосредственно сражавшимися в горном Кавказе. Аль-Хамис — писатель, который не забывает о своих корнях, он пишет о горах, о горных реках, о горных лесах, о горных птицах, о горных животных, о горных растениях, о горных народах. Аль-Хамис — писатель, который не забывает о горах, о горных реках, о горных лесах, о горных птицах, о горных животных, о горных растениях, о горных народах.

Г. Ш. ШАРБАТОВ,
доктор филологических наук

ядные пространства
х полночных площадей
скончаемое время
холодными губами
жар людских сердец.
прошлого покинув,
я грядущего цветы.
волне времен — немые,
бушующие... Тщетно
и Египетский музей
сама земля прибоя забыла...

из твоих валов
незыблемых порогов
гордый великан,
бесцельным превратится
и, испуганного гнома:
стол спит,
и лежат!
и мгновение назад
ти жеажды,

уман ушедших лет
оставил и следа
к, покосим осененных,
вечно будут жить —
дремлющими тайны
сфонарных эпох.

кофаге — тело Титишира, —
рой древнего народа:
аскаленные лучи,
ака,
летний
ого не коснулись.
исполнена величья,
достоинство храня,
земновидного совершенства,
излучая свет.

бессонными глазами
и с высоких сводов зал
очи — как гулкий мрамор
звучит, не умолкая,
измеренная поступь.
Время, вспоминая
о сам уже затянут
молимых шестерен.
затрепетал, и заплясали
безумевшие тени:

Они осатаневшей волчьей стаей
Метались, расходились и сшибались
Сплетая тьму в косматые клубки.
И ветер застонал, как исполинский
Король, пронзающий звезды.

Застыл охранник,
Как извянье страха. Из орбит
От ужаса глаза его полезли,
И синий дым туманными пластиами
Поплыл над запрокинутым лицом.
Вот женский призрак в царских
одеяньях

— Медленно встает,
Идет к нему...
— Да что же это, боже! —
Шелест дрожащих сторож.—
Неужели не Бреук? я?
Ужели нарыв
Снова лопнув? — Чудо происходит!
Ему в ответ под скрипом ветвей
Раздался голос мумии всхорчек.—
— Зачем, сынок, дрочишь ты от ненуги,
Как птица в медленных порывах бури?
Спокон буди и знай, что не для зла
Мой скорый дуб восстал из саркофага.
Восстал из страны:
В могиле я смеялся
Понтыки, привычные досель.
И словно краски на холсте безумца,
Смешались мысли...
Как же ты смогла?
Пробывать в этот мир, пройти сквозь стены
Тысячелетней, разделевших нас!
Быть смиренной лынь им узреть былое,
Назад, сквозь время кругой
— Ты Мой санье, Мой санье, Мой санье!

— Ты сам — прошелестел нездешний
шепот, —
Но мы ли сами время создаем?
Горячий сон, вчера еще дремавший
По чреве неразбуженной земли,
Струится в стеблях нынешних растений
Издавна на земле поньки цветы.
Ведь то же время, что было и что будет, —
Лишь части неокантийской азораю жизни.
Взмыслил я сторожа, —
— Сгинь, вернись скорее
На покой опустившее свое.
Иначе головы не уберечь мне:
Ведь я приставлен твой покой хранить.
Царница отвечала:
— В этот мир,
Да и в

Я возвратилась из пучины смерти,
Чтоб отыскать позиционе. Если
Ты лишь хранитель мой, а не торемщик,
Скажи мне, чья безвестная рука
Смогла меня во сне ограбить дерько?
Заборомщик? Нет!
— Нет, конечно...
Я перестал что-либо понимать.
Я верить не могу.
Не верить — страшно.
Всему, что я здесь видел и слыхал,
Когда б не наяву происходило это,
Я подумал бы, что ты...

О, не томи, скажи мне, кто ты?
— Как жаль, сынок, что ты меня не знаешь.
Я Титишиер.
Превратившись в слух,
Охранник позабыл про все на свете:
Минувшее величим манило
И легким кинесом надеждой светил
Скрытым в глубинах памяти дня.
Летя на крыльях времени и смысла
Гул прошлого в ушах, он жаждо пил
Истории хмельной и жарких щепот...

Ночь покрывала черными крылами
Безмолвное уснувшее пространство,
Но птицы встрепенувшиеся звяга
Клевала тму и кловом золоченым
Ее изрешетила. Хлынули звуки,
Кругом расходясь по поднебесью.
От грома вспыхнула сторож:
— Гостя!...
Звяга вот-руку золотую
Над миром окна света распахнет.
Вернился свет! ложе!
Титишиер ответил:
— Я не вернусь, пока
Не возвратится утраченного. Долго
Планета не падет на моря мертвых,
Чтоб отыскать позиционный венец.
Какой еще венец?
— Венец свободы...

И Титишиер двинулся к дверям.

Охранник неподступною рукой
Прицепился ей вслед из кистолета,
Но птицы взвились, что она
Парит, потому пока не касайся.
И тихо ударились — и вот...

Уже в рассветном дымке растворилась...

Звяра предает серебряные нити,
Опутывая нам шир землю;
Звяра берет вселенную в объятья,
Высвечиваая суть вещей, дослее
Неведомые, невиданные, скрытые.
Плыть сквозь волны ради счастья утра,
Казалось, что счастье — это счастье царства,
Волни буйной птицы в солнечных лучах.
Внизу под нею ранок копошился...
Вдруг женщину летящую увидел
Один фелла,
За них другой, и вот
Все глаза уже смотрели людь
На медленный чарующий полет...
— Кто эти птицы? — спросилось...
— Король ли или звезда закинувшая?
Из этого ли мира моя оттуда,
Из зыбкой дали песен и легенд?
Да кто же он?
И молвил тогда,
В толпу спустясь, восхрессшая царице:

— Не думом эля я никогда была.
Я Титишиер, я — сущина простая,
Здесь ветки мои цвета и зеленила
Тому тысячелетия назад.
Здесь ферон мою красотою
Пленялся к себе мени приблизил,
И стала в царице и женой.
В те времена невольником Египет,
Давно не веря в избавление,
Под игом гиксов син свои влечил.

Мне не забыть твой гравурой годину:
Когда захватчик топчет землю предков,
Тогда страданья душу превращают
В приют для сотен тысяч угнетенных,
И этот мир, казавшийся невестой,
Смевшийся в полуденных лучах,

Предстанет как поруганное тело,
Без погребенья брошенное в пыль.
Ветра отчизны тлеение наполнят,
И землю вспахают, обнажив обниной
Взоры под истязаемой страной.
Когда захватчик топчет землю предков,
Как склеп, в котором мы скорбим о павших,
Тяжел и низок серый небосвод.
Мне не забыть твой гравурой годину...
Чтоб выстоять, нам нужно было вырвать
Из души людей покорности шинь.
Тогда я встала перед фараоном,
И вспомнила ударила набагра
Я своей народ на битву подняла.
Две армии сошлись,
И все смешались,
Как волны штурмового океана,
И долго длилась яростная битва
Всю ночь и весь наш народ и свободы.
План фараона...
Над паводком сражения
Всплывали трупы тысяч египтян;
И раненых не умоляли стоны.
Сметенные прибоям поражения,
Остатки наших войск, топча убитых,
Бежали, и позора черный саван
Одевал сражение.
В вспоминки флаги
Царица драчки слушали. Она
Их увлекла в свою мир полузабытый.
Царица продолжала:

— Зерна гнева,
Таскь до скрока, зрели в глубине
Отчизны и горы. Я жила
Свободы, я — сущина победы:
Я захватывая сиюю склону,
Что небеса распахнула для птицы,
Летящий в свете утренней зары,
Что жизнь ее — в ликующем полете,
Но лишь тогда рождается пlesко радость,
Когда свобода птица и волны,
Ей эта радость сердце наполняет
И сильна для нее привычка.
Мой синь был покровом молоком отмщенья,
И корни глубоко в его душе
Мечта обождения пустыни.

...И заплыла новая война
И想起了 единственный сына...
И вновь бросали волны поражения
Остатки наших войск на берега,
И снова, словно саван, мрак позора
Одел наш мир.
Но сновя зерна нечая
Таскь до скрока зрели в глубине
Фараона... И сковы в жила
Святой вероят в блаженной победе.
Я горе материнского в груди.
Несла, как меч отточенный, на рани
Мир сердце. Боль была напоминанием
О близости решающего дня.
Я выжима...
Я вспомнила внука.
И все настал: от имени народа
Я боявой ему арчили щит,
Щит деда и отца.
Я воспитала

В нем волю к жизни и презрение к смерти...
И вот мой Ахомс в бои повел народ.
Шел спереди, без страха и робости,
А сзади — супружеская знать
Страны, освобожденной от оков.
Мы кровью нашей смыли в этой битве
С чела страны позорные следы...
Толпа киачнула.
В нея раздался гул,

Как в недрах оживившего вулкана,
И крики раздела:
— Будь счастлив, Ахомс!
— Да здравствует герой быльых времен!
— Да сократ! он нынешний Египет
Сияние древней славы!
Титишиер в толпу смотрела, словно

из-за дымки

Тысячелетий, но ее лицо
Светло лилюм новом надеждой.

— Если радость птицы
Поет в душе, то мыльники птиц
Парни в синеве небес свободны,
В цветы оделись жаркая пустыня,
И радостно шаги солдат звучали,
С победою вернувшись домой.
Словес бессмыслицы были изведать,
Как билось сердце в те ликовенья счастья,
В тот славный день...

Царица замолчала.

Толпа кричала:

— Дальше! Говори!

И Титишиер продолжала повесть:

— В дни праздника победы долгожданной
Народ мне даровал венец свободы.
Могущества и гордости земли
Оставить мне, чтоб он и после смерти
Положен был близ сердца моего,
Но тот венец похищен! Кто-то предал
Былую славу Древнего Египта
И продал торжествующим врагам.
Венец свободы — это дар народа
И потому он принадлежит
Все веки!
Ладью воскресенья
Я для того сюда принесена,
Чтоб возвратить исконное народу.

— Смерть негодяям! — разделось в рядах.
Толпа, качнувшись, грохот загудела,
А над людьми, над площадью все выше
Взлетела невесомая фигура
Царицы Титишиери...

В тот же день
Полиция недропышила эланя
Он уничтожен. В тот же день указ
был издан об аресте Титишиери
И о предании тайному суду
За речи, подстрекающие к бунту.

Царица опустилась в Асуане,
И тысячи собравшихся рабочих
Услышали из уст о том, что
Чтоб родину отграбившие воры
Воззовут к земле смиренной.
Ее слова над площадью звенели:
— Ветра позора дуют от Синая,
Зловещий дым клубится над страной
И застич взоры черной пеленою.
Яд унижения в душ к вам проник,
И стыд сердца вам тонет днем и ночью!

Отряды полицейских ворвались
На площадь, и царицу окружая,
Командиром велел:
Трудно на штаны
Пощип тогда рабочие, и скватка
Водоворотом грозным засипала,
И первые убитые упали...

В десятках мест царица появлялась,
И речь ее звучала, как набат:
— Когда захватчик топчет землю предков
В темницы превращаются сады,
И солнце увядает на глазах,
И словно желтый, сморщеный лимон,
В сердцах сочится горькой кислотой.
Под солнцем срываются луны,
И воздух дает тяжелую синеву,
И каждый вздох, как острие копья,
Пронзает грудь...

Ее хотят сжечь. Но Титишиер,
Все в новых позваних городах,
На площадях, на людных переулках
Народу говорят лишь об одном,
Слезами сердца душ обижая:
О радости побед, доблесты кровью,
О жертвах, принесенных в жертву
Славы и свободы, об материнской любви.
И покоряет всеми вновь и вновь...
Венец свободы — это дар мячты,
Побегом зеленеющей надежды!
Он вырастет над мраком и позором.
Подарит радость мира и любви.
Венец каждый камень — символ миллионов
Сражавшихся, скорбевших и любивших...
Он память о героях, павших в битве
За честь родной земли, взявшейся защищать...

Перевод с арабского
С. ГОЛОУБЕВ.

НОРВЕЖСКИЕ ВСТРЕЧИ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Foto автора

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Моя поездка по Норвегии совпала со знаменательными днями: страна торжественно отмечала 35-летие освобождения Северной Норвегии Советской Армией. 8 октября, в воскресенье, 8 октября 1944 года войска 14-й армии Красного фронта вошли в город Тромсё и флагами, установленными Петсамо-Киркенесской операцией и освободившей северную норвежскую провинцию Финнмарк. Этот суровый край гранитных скал гитлеровцы считали неприступным, а наш солдат преодолел все трудности и отважное сопротивление, освободил Финнмарк, более чем за полгода до этого, как фашисты капитулировали в других районах страны.

Я был в этом краю. Там до сих пор помнят, как тогда укреплялись тяжелые орудия, как эскадроны дивизии разбивали ледяные блоки, скользили, бились, непримиримые позиции. Я слушал рассказы очевидцев — ветеранов наших бойцов. Я видел могилы наших героев, павших за освобождение Норвегии. И я читал надписи на ухоженных, покрытых цветами памятниках советским солдатам и офицерам: «Вы пали в борьбе за всех нас», «Воздвигнут благодарными норвежцами в память о советских солдатах, павших в Ругеллане в борьбе за свободу и справедливость в 1941—1945 годах» (на памятнике советским воинам в Ставангере). «Норвегия благодарит вас» (на памятнике, установленном на кладбище в Осло).

Приведенные выше надписи нуждаются в расяснении. Откуда эти памятники на могилах наших бойцов в Ставангере в провинции Ругеллане? Она расположена далеко от заполярного Финнмарка. А дело в том, что Норвегия активно действовало движение Сопротивления, в ряды которого пришло немало наших солдат и офицеров, бежавших из фашистской норвегии. До сих пор норвежцы вспоминают, что они были врагами и умельцами в норвежских партизанских отрядах. И до сих пор в народе рассказывают, как простирались норвежцы всегда стремясь облегчить участия наших воинов, томившихся в фантастических концлагерях.

Вместе с работниками нашего посольства и советской делегацией, прибывшей на празднование 35-летия освобождения Северной Норвегии Советской Армией, я совершил неиздеваемую поездку в прошлое и в то же время в настоящее, еще и еще раз подтверждавшее прочность дружбы у связанных обеими нашими странами в годы совместной борьбы с фашизмом. Одно из первых мест, которое я посетил, — это горная деревня Шинено, в отдалении от города Тромсё на четырех часов пути от морского побережья. В деревне было ворота и узкая горной дороге до места Балебё. Здесь не было ворот, но был концлагерь. Его обитатели — советские военнопленные вели лес на склонах гор. Сегодня на концлагере ничего не осталось, ни следа. Но на небольшом местном кладбище между двух еловых стоят памятники двум нашим солдатам, погибшим в фантастическом норвежском небольшом селе. Местные жители не только похоронили их на своем кладбище, но сделали эту дорогое дело. На кладбище установлен памятник, символом которого являются обручи наших народов. Ежегодно 1 мая километра за два от кладбища собирается местное население — и стар и млад. Со знаменем и цветами народ идет к могиле советских воинов.

Еще подъезжая к кладбищу, мы увидели у входа норвежский и советский флаги на двух высоких флагштоках. У могилы, а затем на месте бывшего концлагеря местные старожилы рассказали нам о том, как они помогали тем, кто могли, нашим военнопленным, как они свято хранили ожерелья с борьбой с фашизмом.

В дни празднования 35-летия освобождения я посмотрел многосерийный фильм о Великой Отечественной войне. Он вызвал огромный интерес. У кого бы из норвежцев я ни спросил, каждый обязательно смотрел его. Такой интерес объясняется не только общей борьбой против немецкого фашизма. История распорядилась так, что за тысячу лет отношения между обеими нашими странами ни разу не окрашивались какими-либо военными конфликтами. Еще в XI—XII веках наши поморы вели торговлю с населением Северной Норвегии. Дочь новгородского князя Ярослава Мудрого была норвежской королевой.

Давние взаимные симпатии связывают нас в области культуры. Как в Норвегии, у нас, похожий, трудно найти человека, который не был Грига и Ибсена, Нансена, Амундсена, Тура Хейердала.

Норвежцы знают и любят великих деятелей нашей культуры, которые живут в сердцах каждого русского человека.

Хожу я по улицам Осло, разглядываю театральные афиши: Горький — «Дети солдата», Чехов — «Вишневый сад»... При мне проходила традиционная неделя советского кино, и я видел, с каким интересом и пониманием воспринимал норвежский зритель и современные наши фильмы и экранизацию русской классики. Уже сама торжественная церемония открытия недели показала, каким большим событием яви-

лась она в Норвегии. Церемонию открыл министр культуры и просвещения Эндар Ферде, тепло сказавший о развитии советско-норвежских культурных связей. За ним выступил посол СССР в Норвегии Ю. А. Кирichenко и народный артист СССР И. Смоктуинский, первый раз приехавший в Норвегию и пользуясь у него там большой популярностью.

Я вспомнил на себя смелость сказать, что, по-моему, вкусы и склонности зрителей и слушателей обеих наших стран во многом совпадают. Мне довелось прокрасть немало западных столиц, но, похожуй, ни в одной из них я не встречал такой же насыщенности в театральной и музыкальной жизни, как в Осло. Причем насыщенности того же качества, что и в Москве. Судите сами. Что сегодня смотрят и слушают в Осло? О Горьком и Чехове я уже упоминал. Далее — Бернард Шоу, Ибсен... Бетховен, Моцарт, Бах, Рavelль, Вивальди, Брамс, Берлиоз, Барток... Все эти и многие другие мастера, которых я не могу перечислить, живут в Осло. И еще напомню, что в Осло не утихают разноязычных зрелищ никакого пошиба, каких немало в иных западных столицах.

Изложенные мною выше наблюдения и соображения — это, конечно же, взгляд на страну с одной стороны. Есть и другая сторона. Сегодня в Норвегии нельзя не обратить внимания на то, что определенные и весьма влиятельные круги пытаются запугнуть норвежцев так называемой «советской угрозой». Это своего рода «норвежский вклад» в общую кампанию запугивания общественности, которую ведут Париж и НАТО. Как известно, Норвегия — член этого агрессивного блока.

В этой связи можно припомнить неслыханную листовку с речью короля Норвегии Хокона VII по лондонскому радио 26 октября 1944 года. В ней, в частности, говорилось:

«Русская угроза» — явление не новое. Мы знаем миф о «русских лаптях» в царское время; новое, что пришло после русской революции — это «советская угроза». Сейчас нет никаких доказательств, что Россия собирается вторгнуться в Норвегию какими-либо агрессивными планами. Да когда-нибудь норвежцы — оказывать советским союзникам самую большую поддержку».

Разумные доводы, и сегодня не потерявшие своего значения! Но, повторяю, в настояще время в стране есть немалые силы, которые действуют вопреки разуму и логике исторического развития. Стратеги НАТО отводят Норвегии немаловажную роль в своих планах. Так, газета коммунистов «Фриметтенеска», что «НАТО стремится превратить Норвегию в мощнейшую базу для управления всеми странами, которые надлежит перебородовать для приема тяжелых американских транспортных самолетов». Это еще одна атака на норвежскую «базовую политику» (суть этой политики в том, что страна отказывается от размещения иностранных войск и ядерного оружия на своей территории в мирное время). Под провокационным шумом о «советской угрозе» в Норвегии идет процесс наращивания военных расходов. На норвежской земле этим осени прошли очередные национальные маневры.

Иногда это происходит в самом деле в результате того, что страна находится в шоконожнице. В крайне неоднозначных, безразнодушных выступлениях буржуазные органы печати пытаются опорочить наших специалистов, работающих в Норвегии, то есть пытаются сорвать сотрудничество между нашими странами и создать атмосферу «холодной войны».

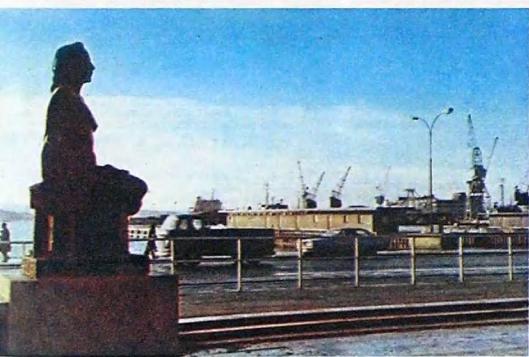
Разумеется, есть в стране и иные мнения, кроме национальных. Имея в виду предложение, которые содержались в речи Л. И. Брежнева в Берлине, я бы хотел, чтобы наши друзья в Норвегии не только ответственно отбросили это ванкое предложение, но предупредили против поспешных решений о размещении новых американских ракет на Западной Европе. Газета подчеркивала, что Норвегия следует выступить за переговоры, а не за продолжение ядерной вооруженности.

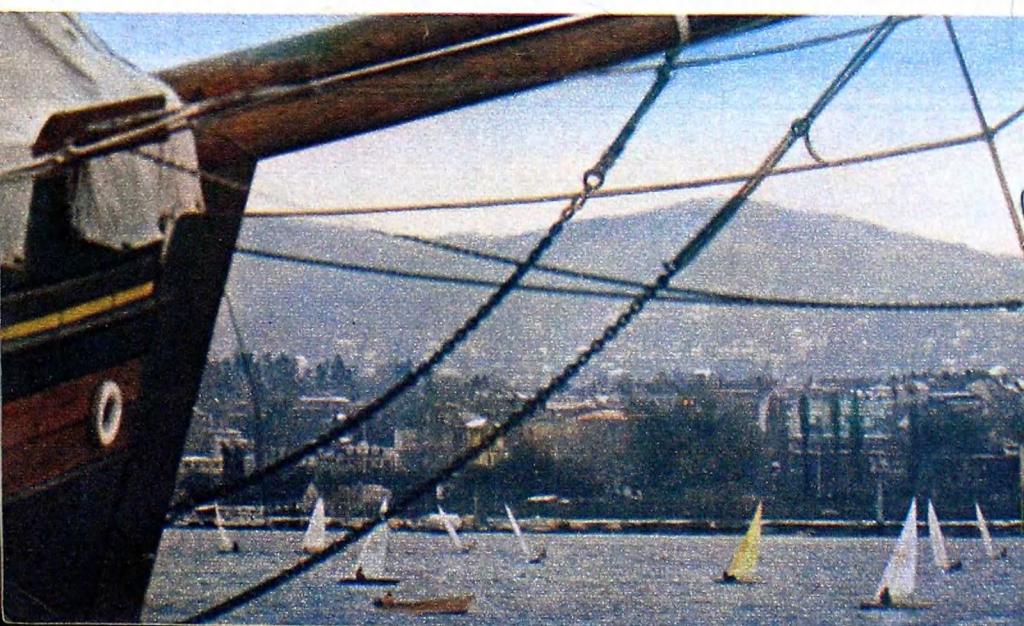
Итак, налицо две тенденции в подходе к современной ситуации в мире. Какая из них в Норвегии одолеет другую в противоборстве? От

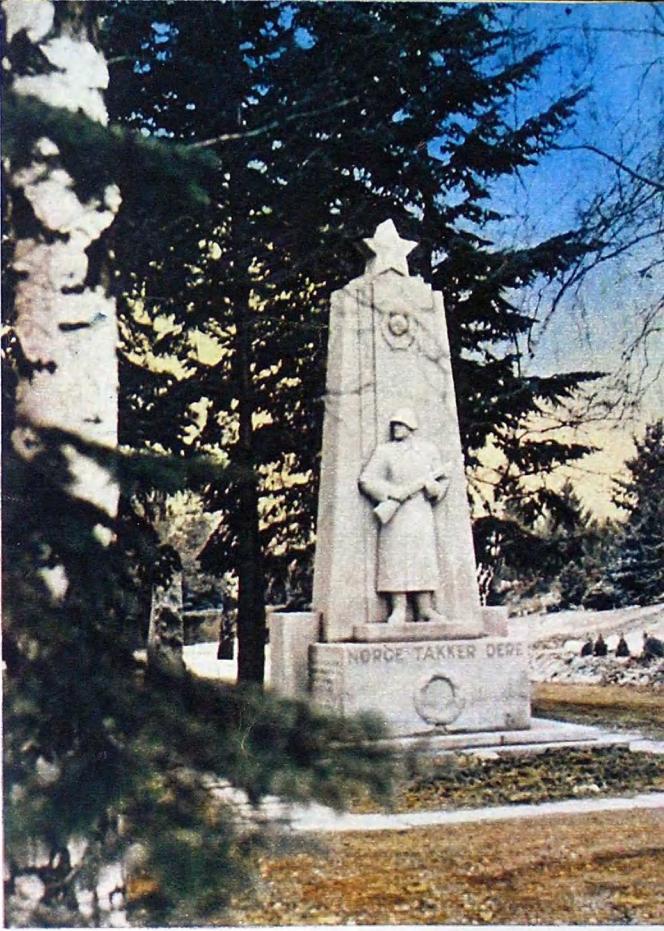
Осло * Столичная набережная * Развалины древнего монастыря в Хамаре * Старые сельские дома * Нефтяная платформа.

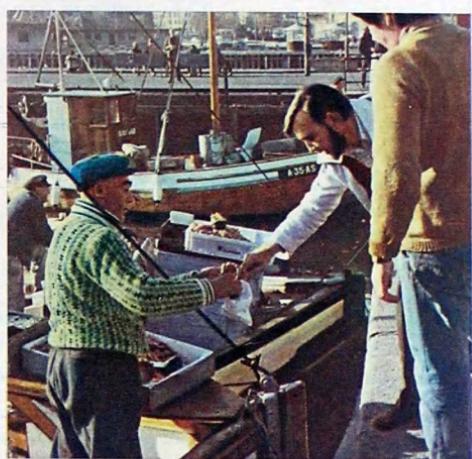
НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДАКИ: Мальчишки * Яхтсменам зима не помеха * Памятник советским воинам в Осло и возложение венков к нему.

этого во многом зависит дальнейшее развитие советско-норвежских отношений.

НЕФТЬ

Двенадцать лет назад я назвал один из своих норвежских очерков так: «За полоской «тихой воды». Дело в том, что вдоль нее побережий Норвегии и Швеции барьером, изогнувшись, образует настоящий барьер на пути морских волн. Между этим естественным барьером и сушей лежит узкая полоска «тихой воды». К этой «тихой воде» добавляется безмятежная гладь бесчисленных фьордов. Подсчитано, что вся длина этой чрезвычайно извилистой линии, включая берега прибрежных островов, составляет примерно 20 тысяч километров, то есть половину окружности земного шара.

Несмотря на это, впечатление о Норвегии так, как несколько лет назад. Раньше близлежащий побережий волн нарушали только рыбаки, сегодня здесь, увидишь одну из самых удивительных в мире строительных площадок. Да, строительная площадка прямо на воде. Чтобы попасть на нее, я проехал поездом из Осло на запад побережья страны, в Ставангер, а там быстрый катер за несколько минут доставил меня до цели, и взору моему предстало картина уникальнейшая: в фьордах на воде стояло временно неизобримое сооружение из металла. Бондо. Вот основные его параметры: высота — 271 м, вес — 216 тысяч тонн.

Сразу бросается в глаза высота этого исполнения. Она становится особенно ощущимой, когда по строительным лесам забираешься на сажевый верх. И уже там, наверху, познакомившись во время долгого подъема со всей необычайной конструкцией, суммируя свои впечатления и понимаешь, что вернее всего было бы сравнять ее с четырьмя Эйфелевыми башнями, отдельными в белом, соединенными друг с другом и поставленными на воду (сооружение имеет четыре башни-опоры, расположенные в форме креста). Высота самой самой самой самой башни — 114 метров (55 метров). Поэтому ясно, что это аномально высокое сооружение называется платформой. Предназначена она для добычи нефти в море у берегов Норвегии. Я побывал на платформе «Статфьорд-В», в платформе «Статфьорд-А» уже в море. Стоит она в 180 километрах от берега и выглядит в два раза ниже, чем в фьорде: в море чуть больше половины сооружения находится под водой, покоясь на морском дне. Но все равно и среди волн оно производит впечатление: более ста метров белых и стальных горизонтов, вспыхивающих над морской стихией.

Нефть добывают в море Норвегии уже более 40 лет. Второй государственный, добывающий нефть, А. сегодня Норвегия уже производит нефти в 3—4 раза больше, чем ей самой необходимо. В ближайшие годы она за счет уже разведенной нефти своего континентального шельфа будет обеспечивать 10 процентов потребности Западной Европы. При этом надо учесть, что исследовано только пять процентов норвежского континентального шельфа.

Обо всем этом и много другом рассказывали нам руководители и специалисты нефтного дела в Осло и в Ставангер, который называют теперь «нефтяной столицей» Норвегии. Из этих бесед и встреч главное мое впечатление (личное, возможно, очень субъективное!) было для меня неожиданным: хозяева вдруг свалившегося на них голову богатства склонны преумножать, а не преувеличивать его, и они вовсе не торопятся немедленно обогащаться во что бы то ни стало. В этом своем мнении я еще раз утвердился, прочитав кое-что из этой проблемы. В брошюре «Однажды в Норвегии» в 1979 году было сказано: «Норвегия не спешит. Ее будущее определяется политическим согласием по поводу того, что развитие нефтяной промышленности должно идти умеренными темпами. Такой разумный подход, по-моему, единственно правильный, он доводовой и рациональный. Нефть в качестве нового фактора вошла в жизнь высокономистриальной страны, но тем не менее ее всевозрастающая добыча порождает много проблем — политических, финансовых, технических, экологических, моральных и других. Решить все их с ходу нельзя, требуется время».

Известно, что нефтные разработки в море во много раз дороже, чем на суше. Значит, нужны большие капитальные затраты, которые оккупятся не сразу, а через несколько лет. Но при уже разведенных запасах континентального шельфа игра стоит свеч. Вот лишь один пример.

Сейчас ведутся работы на трех морских участках. Самый перспективный из них — Статфьорд. Именно там стоит уже платформа «А», туда же отбуксируют затонувший танкер «Эндрю С.». Подсчитано, что добыча нефти там начнется в 2015 году (580 миллиардов баррелей норвежской нефти, в том примерно равны американскому доллару). Чистый доход при этом будет равен 450 миллиардам крон, то есть 130 миллиардов уйдет на капитальные затраты и расходы по добыче нефти (плюс затраты, это расчет ведется только по Статфьорду, а есть еще и два других месторождения). При таких астрономических затратах, естественно, возникнет необходимость иностранных вложений в нефтяной бизнес. А при таких не менее внушительных доходах недостатка в желающих вложить в этот бизнес нет. К норвежскому континентальному шельву устремили свои взоры крупнейшие нефтяные компании. Сегодня в добыче нефти здесь участвуют капиталы, техника и специалисты США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, ФРГ, Италии, Канады и Швеции. В такой ситуации, естественно, Норвегия должна защищаться о защите своих национальных интересов. Именно с этой целью в 1972 году была создана норвежская государственная компания «Статойл», а в 1978 году образовано министерство нефтяной промышленности и энергетики, которое подотчетно норвежскому парламенту — стортингу.

Богатые и сложные проблемами (гео-географическими с политическими) встает такой сложный вопрос, как концентрация современной техники и кадров высокой квалификации. Сегодня в нефтяной промышленности занято около 31 тысяч человек, из них 74 процента составляют норвежцы. Этот немалый процент объясняется тем, что нефть пришла из моря в страну индустриальную.

Да, конечно, качать нефть из океанических и морских глубин — дело не из легких. Но в Норвегии есть одна особенность, которая отличает ее от многих других стран: нефть в море не бран. Не случайно описанная выше платформа «Статфьорд-В» — самое крупное в мире сооружение такого рода. Достаточно сказать, что она рассчитана на работу при волне высотой до 31 метра! Кстати, ее дневная добыча равна 20 тысячам тонн нефти.

Показательно также, что пока нефть разрабатывается только южнее 62-й параллели, поскольку климатические условия севернее этой параллели не позволяют проводить зимой судоходство и перевозку нефти, разработки в северных широтах. Но добыча нефти — изыскатели, а за ними и добывчики перешагнули 62-ю параллель.

О многих эпичных проблемах, вызванных рожением нефтяной промышленности, я доложил Бесседову с Арени Реттедалом, мэром Ставангера. Он рассказал мне, как город, издавна считывавшийся центром рыбаков и моряков, течение нескольких лет превратился в «нефтяную столицу» страны. До сих пор, как сказал мне мэр, встававшие в связи с процессом перед городским проблемой успешно решались. Прежде всего, прокладка газопровода Ставангер — Стокгольм, который был построен, причем этапами: вначале паттайи (были паттайи) активно втискаться в этот процесс. Например, сразу было строго определено, что все прибывающие в город специалисты и рабочие, связанные с нефтяным бизнесом, будут расселяться в разных кварталах города, а не в каком-либо одном месте. Это простое и разумное решение позволило Ставангеру безболезненно принять и адекватировать новую прибывающую. Они же, бы развернувшись в массе коренного населения, не могли бы выжить. Ставангер, кстати, единственный город, где не было проблем. Мэр рассказал мне о техническом сотрудничестве городских властей с нефтяными компаниями, в том числе и иностранными. Это сотрудничество распространяется на широкий круг вопросов — от производственных и личищных до организаций досуга.

Многие внимания мэр уделил проблеме охраны окружающей среды. Богатый рыбой воды Норвегии — давнее и большое достояние страны. Но грозят ли рыбе и морю в целом добыващи нефти? В самом начале норвежской нефтяной эпохи пошли крушение катастроф на платформах «Браво» и «Спирит», где были убиты 160 человек, из которых не было ни единой мер безопасности. Тогда в течение восьми суток из скважин был 60-метровых фонтан, который выбросил в море 32 тысячи тонн нефти. Да и без таких крупных катастроф добыващи нефти в море сожалению с риском засорят окружающую среду. Чтобы избежать этого, необходимы большие расходы и неусыпный контроль со стороны специальных служб. Норвежских рыбаков беспокоит планы продвижения морских нефтяных промыслов на север, за 62-ю параллелью, в северные широты.

Этот самый вопрос вызвал несколько слов о том, что норвежцы вообще делают по сохранению окружающей среды. И до нефтяного бума эта деятельность получила в стране широкий размах, так что опыт уже накоплен немалый. На эту тему я беседовал с несколькими руководителями сотрудниками в министерстве по охране окружающей среды и в других учреждениях.

Во время поездки по стране я убедился в том, что об охране окружающей среды в Норвегии, по-моему, одна из красивых в мире стран. И это несмотря на то, что в стране развита одна из самых развитых многоотраслевых индустрий норвежцы учатся беречь свою природу. Правда успех в этом сложном деле на первых шагах очень прост: самое тесное сотрудничество тех, кто поставил законом на охрану природы, с теми, кто по роду своего бизнеса может угрожать сохранности окружающей среды. Именно благодаря этому взаимодействию практически не бывает штрафов за нарушение ущерба природе. Потому что, как правило, до такого ущерба дело не доходит. Контролирующие органы, по-моему, становятся гораздо более эффективными, когда они иностранные, потому что совместно с ними устраивают. Для такого ведения дел нужен, разумеется, строгий по-вседневный и поисковый контроль. И он в Норвегии есть. В беседах с теми, кто занимается об окружающей среде, я узнал о первых контактах норвежских и наших специалистов, работающих в этой области. Убежден, что развитие этих контактов может принести большую взаимную пользу.

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

О советско-норвежских контактах в самых разных областях я много беседовал во время пребывания в Осло и в ходе поездки по стране. Как мне говорили многие мои собеседники, деловые люди Норвегии заинтересованы в развитии торговли с нашей страной. На необозримом советском рынке каждый из них всегда может найти то, что нужно именно ему отрасли бизнеса. С другой стороны, и норвежская продукция — как правило, высокого качества — всегда может представить интерес для нашей страны. Чего стоит бесценный норвежский

ЗЕМА

В. ЧАЛМАЕВ

опыты использования энергии горных рек! Норвежцы имеют богатый опыт в рыболовстве со всеми связанным с ним отраслями промышленности. Их эксперты уже сейчас предлагают нам создание кораблей для спасения, назначение которых особенно центрируется на мировом рынке. В последние годы местные специалисты успешно развивают электронную промышленность, большая интересует производство автоматизированных систем управления судами. Да, и с Советским Союзом, есть чем торговаться, наши экономическое сотрудничество может успешно развиваться на взаимовыгодных основах.

Об этом всем тоже подробно и убедительно говорил Юрий Савельевич Матвеев, заместитель торгового представителя СССР в Норвегии. Его главный тезис: советско-норвежская торговля может и должна развиваться по восходящей линии. Для этого ему потребуются два самостоятельных советско-норвежских акционерных общества, «Консэл» и «Консвест», с тем, что торговые отношения между странами действительно могут иметь базу такую прочную и надежную, с которой возможен шаг на более высокий уровень в национальном экономическом сотрудничестве.

С деятельностью акционерного общества «Конек» меня познакомил его генеральный директор Борис Александрович Андреев. Еще до личной встречи с ним я был приятно удивлен вынужденными зданиями общества на окраине Осло. А когда я вместе с Андреевым походил по этому служебному зданию (с его кабинетами, конференц-залами, складами и т. д.), я был глубоко впечатлен. И это не единственный факт, который показывает, что «Конек» делает многое для того, чтобы стать еще лучше. В течение более десяти лет «Конек» продает в Норвегии советские автомобили: «Лады», «Москвичи». Этим делом во всей стране занимаются 54 торговых агента, в Норвегии имеется уже 70 технических станций по обслуживанию советских машин. Понятно, что при таких масштабах продаж советских машин идет не на сотни, а на тысячи. Борис Александрович с гордостью водит меня по огромному промышленному комплексу, состоящему из обведенных кругами мест под машины, уже пустует. Их те, что еще стоят здесь, — говорят он, — уже проданы. Торговля идет бешено.

С не меньшей гордостью рассказывал мне Андреев о тех трофеях, какие за десять лет завоевали наши автомашины на норвежских и других зарубежных дорогах. Кстати, когда я вошел в здание «Концепта», тут же увидел большой стенд со всеми возможными кубками и вазами. Оказалось, это спортивные призы, полученные нашими машинами. Вот только несколько век отмеченных наградами: первый приз «Москвич» чрез радио водителям в Швеции; такой же приз из «Москвицы» в ПФРГ: первое место на ралли в Норвегии в 1975 году на наших «Ладах»; первое место в 1976 году на втором месте наших «Лад» в Швеции и первое — в Швеции в 1977 и 1978 годы — успех нашей «Лады» в тяжелых гонках на ралли в Норвегии.

Андреев показывает мне в демонстрационном зале не совсем обычный экспонат — «Москвич-1954 года, проехавший по дорогам Норвегии за много лет несколько сотен тысяч километров и оставившийся в хорошем состоянии, в рядом с ним красуется «Москвичи» последней марки. Сейчас в Норвегии «Лада» пользуется большим спросом, чем «Москвич», но и у последней марки есть свои приверженцы».

Вот что говорят Грета и Эйнар Мартхим:

«Впервые у нас появился «Макарин» в 1953 году, когда отец Греты — Юхан Мартхим — 40 лет. Через несколько лет он отдал его нам. После этого мы не поднимали другой марки! Потому что нам нравится наша. Это прекрасная машинка для кулинарии и очень подходящая для условий нашей страны. По многим причинам, например, часто ездим в горы, а она достаточно маневренна и сильна, и мы можем основательно загрузить ее. Когда мы выбирали машинку на последний раз, мы знали что «Ладда» теперь у нас очень популярна, но мы, взвесив все «за» и «против», сказали остановимся на «Макарине».

Итак, норвежская семья ездит на «Москвиче» уже четверть века, и этот пример говорит о многом!

Но другое свидетельство, менее эмоциональное, но, наверное, более объективное. Тормод Даал, водитель такси, говорит о «Ладе-1500»: «Я проехал на ней 100 тысяч километров, и эксплуатация не дорога. К тому же любая техническая ставка в Норвегии может ее обслужить». Коллега Тормода, Эрл Ингес, свидетельствует: «Я проехал на моей «Ладе-1500» 104 тысячи километров; с ней легко управляться самому, поскольку я получила ее со всеми необходимыми инструментами. Других таких машин я не знаю».

Такая же встреча, как и с Андреевым, у меня состоялась с генеральным директором советско-норвежского акционерного общества «Конейст» Иваном Ивановичем Певневым. Штаб-квартира общества находится в городе Драммен, ее служебные помещения не менее внушительны, чем у «Конейста». Общество «Конейст» продает в Норвегии советские станки. На них немалый спрос, и есть большие перспективы развития торговли. Вместе с Певневым я прошел по владениям «Конейста» и увидел, какие разные станки покупают у нас норвежцы, и начал

По мнению знающих людей, наше экономическое сотрудничество может и должно быть на более высоком уровне.

...В 1965 году, когда тень прокни-
той жизни за плечами Михаила
Исаковского становилась доста-
точно длинной, а «путешествия в
воспоминания», мемуары поэта
«На Ельминниковъ земель» казались,
как и все его письма к жене, неожи-
данными посланиями из прошлого.
Составители единогласно называли
«Дневн. поэзии» полуценные от
автора Бессмертной «Катюши на-
сшедшего-ироническое» письмо.
К счастью, оно не затерялось на
редакторских столах. И как по-
свящающие стихи поэта «Доко-
лебъ! о чудесахъ обрывовъ»
и «Песни, поэзии, «Вечуръ песенъ
музыки и поэтическихъ словъ» и «Въ нахъ меѣгъ» — не пропустив
проекте новой орфографии рус-
ского языка («аэзъ долженъ былъ
выстечься привычное „авацъ“»),
письмо это показало: в лице Иса-
ковского для истинной народной
литературы нашелъ достойного
творца (Фадровский). И не просто живой,
а страстный, бескомпромиссный и
изысканно поэтического слова,

Исковский написал составителю «Дня поэзии»: «...Вы хотите, чтобы я в краткой, «канкнестской» форме сказал несколько слов о народности поэзии, о ее популярности (о хорошем смысле слова), так как, мол, это очень интересует нашу поэтическую молодежь». Вопреки Вашему утверждению, я думаю, что по крайней мере одна большая группу молодых авторов интересует не вопрос о интересе народа, и разговаривать с этой группой о народности просто беспредметно...».

За этими словами — целая жизнь, высокая гражданская поэзия поэта. За ними — гром и нехность песен «смоленского» союзья «России», выразившего самые глубокие нравственные свершения народа в его историческом пути. Народность была душой поэзии Исааковского. Понятие миллионы советских людей осознавали себя в времени, суровых событиях — через Исааковского, — сторона его крепких и емких нравственно-философские формы.

А коль придется в землю лечь,
Так это ж только раз.

(«В прифронтовом лесу»).
Пускай утопал я в болотах,
Пускай замерздал я на льду.
Но если ты скажешь мне
снова,

Я снова все это пройду.
(«Летят перелетные птицы»).

А творческо-Исаевского в 1965 году многое. И прежде всего — песня, этот извечный праздник души, чистые «цветущие» островки в океане жизни! Увы, уже не вспоминают, что в начале прошлого века сама русская песня стала угрожать вирусом пощады (к тому же разрывавшим, кишащим, взрывным), бесодержательность, пустота «подростковой» интимности. Физиологические портреты вместо психологических, портреты, похожие в лучшем случае на «аватаров» и «дам» из засаленной колоды забытых карт Ахаха, эта девушка-пупырькообразная Бровь, на щеке рожалица, быстрые ритмы, быстрые ритмы...

Откровенная «альманаховая» пошлость («Лунный диск на небосклоне, наши темы на стene, и тепло своих ладоней согревает сердце мое»). Разрастаемости и излишней пышности в этом тексте нет. Стихи «Он» и «Она» звучат ясно и просто, с ясной мелодичностью. А вот «Она» звучит глупо и смешно: «Она» — «ягода и мята» и т. п.). Наконец, резко засоризация роли эстрадной «приправы» к песне в виде жестов, актюристических телодвижений, особого «прятаного» освещения интересует. Все это делается сейчас существенно иначе, чем раньше, то есть, не экзальтируя, не азиатизируя, не энзинизируя. Манипуляции с языком, синтаксисом и наречием народной песни весьма требожны, «Шлягер» — острый кулинар, «бъёвец» (от немецкого *Schlagen* — «бить») по нервам стремительно балансирующей, чёрпающей из различных источников и синтезирующей топлива — испытатель для себя, для души: он весь построен на антиэстетических диссонансах жестокости и одиличия. Весь сделан для шумного зрелища. Ну спасибо! хотя бы скромненько.

Может ли такая «песня» на грани истирки и цинизма «зевать». Беречи родную? Собирать, а не распылять любовь к Родине, воспитывать мужество и честность, вспоминать о великой колонии, выступающей очень много в петь-так почти ничего, то это прошлого оттого, что те композиторы, которые ориентируются на вполне образцовые музыки Запада, не хотят видеть этого гордого народа, что без него она не может существовать, а иначе, лишили ее музыканцы, отталкивают у нее недочеты, напевность, экзальтувшую. Песни нужно вернуть музыку, подлинно настоящую, какими они были в свое время, продолжают лицануть «высокие» вычурные, лишенные авторы, халтурщики, Исаакянские «дети»... — пишет М. Аксаковский в статье «Вернуть песне музыку и позитическое слово».

К счастью для слушателей, для самого поэта, его песни, не подверженные законам «эстетики» бойких текстовиков, стоящие вне безраздной сутиды дела, продолжали свой путь в музыкальном сознании народа. У них были могучие крылья!

Эти крылья и окрепли на
нардлинской земле, в народной
среде, там, где слово неотдели-
мо от труда и историче-
ского смысла. Их пение на-
званника песня поющающая, соз-
идающая тепло связанные, души
всезависимой песней стремились к
истоку будущего поэта. Василий Нас-
ирович, печник и столяр из смолен-
ской деревни Григорьевки и его
жена Дарья Григорьевна — будущий
поэт был у них двадцатидевятимесячным.
И за праздничным за-
стольем, когда склонялась в бре-
зентичный дом родни, на бабинских
посиделках в послекутбийской
деревне, где «загудели, загрян-
гали, загудели»

Ю БЕРЕЖЕТ РОДНУЮ

наблюдал, как бережно «вылепливалась» из звучащей материи (слова и мелодии) песня-судьба с ее наглядными, драматичными ситуациями.

Когда сейчас Виктор Астафьев, тоже художник по-поэтическому таланта, рисует пейзаж своей родины в избе, передает весь дух субъективности, зримость характера, живущих в пейзаже; он пишет как будто и от эстетической колыбельной певицы Исааковского. Эта прекрасная сцена из «Последнего поклона» — словно главка детства создательницы «Катюши», «И кто его знает?... «Горе — белым бела», «Ой, горе, горе, горе, растумяны!». Пение в бывшей деревне рождало единую суть, единое сердечение, добавляло душевной красоты, и добродетели кухоньки.

— доброго каждому.
«Гудел басом вдовий, бездетный
Ксенофонт. Остро вонзился в песню
голос Августы. На наивысшем
дребезже и слезешел голос тетки
Априони... Ладно вела песню жена
Кольки-младшего Нюра. Она во-
время направляла хор в русло и
прихватывала тех, кто норовил

откачнуться и вывалиться из песни, как из лодки. Ухом приложившись к гармошке, чтобы хоть самому слышать звук, с подтрясом, как артист, пел Мишка Коршунов (выделено мною.— В. Ч.).

Исаковский не раз наблюдал, как подобное же пение формировало коллективное мнение о добром и злом, как песня становилась регулятором нравственности, создавала в людях историческую

— Всё, — сказала Елена Родиной — это не статичное, а изменчивое, «текущее» благочестие. Оно то вовсе как будто отсутствует, когда человек гонит через дни стихии послешествий, инерции бытия, то разом обостряется, захватывает человека целиком, рождает слезы умиления. И не это ли скрепляет нации, поддерживает волю к жизни, творчеству, любви? — Капитанка Михаила Исаакиевского, что в нашей поэзии запечатлен момент величайшей душевной сопредоставленности, расщепления патриотического чувства? От Ярославии, стремившейся полететь в загадки по-

Дунаю, омочить шелковый рука
в Каяле-реке и обтереть князя
Игорю кровавые его раны («Слово
о полку Игореве»), до Катушки
с ее доверчиво-ласковой и па
своему настойчивой просьбой
обещанием:

Пусть он землю бережет
и любовь Камнина оберегает

прослеживается для современников эта в чем-то единая, во многом, естественно, обогащенная новая черта патриотического сознания русской женщины.

Вот и вспоминается сейчас «Песня про воду» в сопровождении А. Горького, становившегося характерной поэтической интонацией Исааковского. Музыка была разыта в его строках, как свет, веде блуждая, луч мимолетной улыбки, сердце великого вздоха. Интонации полуночного поэта были необычайно яркими, ги, о недоподъемности земной красоты, о том, что «пазаристанские стеклянки-дорожки», отзванные гармоны «золотые пластины», резко выделяли Михаила Исааковского среди множества так называемых «романтических поэтов». Он сразу стал писать не только, что видит око-блеск, но и ощущение, о описание зудерозеновых поэтических поэм — а о том, что знает сердце... А оно знает всю судьбу человека! И вот ранние стихи об уединении лете, о недавнем пологородье, о хоре птичьих голосов лугов, по-аконому маневренно волешился папочкой, за-звучали по-лесенке:

Где ты, лето знойное,
Радость беспокойная,
Голова курчавая,
Роши да сады?..
Белая метелица
За оконшком стелется,
Белая метелица
Замела следы.

В таком ли возрасте тревожиться о голове курчавой? И тревожиться с песенной страстью? Как будто лето не вернется в свой срок, а останется лишь в памяти последним подарком судьбы?

Но такая печаль — «печаль мозгов светла» (Пушкин) — свидетельствует о большом объеме мысли и чувства.

ва, насыщенности слова мелодиями, уводящими чувство за предел видимого. Из этих же интонаций — любви и светлой печали — Исааковский создает прекрасные

Исааковский создаст впоследствии чудесное стихотворение «Край мой смоленский» и песни «Зеленая была моя любовь...»

Контраст в поэзии – элемент многообразия мира. Сближение с музой необычайно, расширяло горизонты, – вспомним Ивана Ивановича Иванова-Слова. Поста глаша, оно давало «содержание» методами, не готовыми к выражению для восприятия ее. Время Иванова-Слова вспоминали люди находившие в вымышленную и даже грязную поэзию эти «загадки», «секреты», «сезуи», в то время, когда в школах не занимались «Однажды мысль, нам, растущим», в эпиграммы-светильнике, открытым всемогущим знать, открытым всемогущим видеть, открытым всемогущим зиркой. В его письмах герой просит в час различения, чтобы «все ясно было», чтобы «все равно», скажут ли ТИМЫАТЫ, НАРДЫ,

ши... куда-нибудь...». Ведь даже бес-
вечно глядящие на синеву письмена
знак, подаваемый через все пред-
грады одним сердцем другому,
они пребывают в нем, «отмечены»
разлуки? А в эпической
осенности леса, где даже лист «небес-
сия» склоняется к земле, «зреет и ро-
ждается» комом, грязная решимость
«да будут» («все будут» — это
фронтовик лесу), А между полюсами
грусти и радости стольчык
длинных, поступков, настроений раз-
личных, супружеских, сиротских
ризистых перевозок, созидающих
окиданного свойства! И музыка
музыка! Словно здесь появился

— Правда говорят...
При всех обстоятельствах, всенародно признанном далеко не цветистым языком, я бы не отказался от Исаакиевской поэтической дороги. Дорога, ведущая вперед, — судя по тому же Юрию Тимофееву, — «для писателей зин», изнуряющих давление на читателя, сказать, «тешущихся обстоятельствами, в которых они живут». А ведь и Юрий хуеков, мусорный ветер из-под неба, нравственного действия, ставил нас на курс, на который мы и смотрели, рождалась и звучала эта песня, и в поэзии часто спорили с профанацией, с позицией, которую занимали властные и церковные подданные, подавленные словом. Он и труженик, выносивший светильник в темноту, и писатель, и гражданин, и гражданская активистка, подтекстом которой было бешено гонявшееся за композитором радио, и писатель, и гражданин, и гражданин — очередного шильдера в репертуарах, радиопрограммах. Задесь же, в «Исаакиевской» поэзии, звучали цариничная эксплуатация, поставленного в псевдорусский ряд писателя, и «закладка» в «Письмах России» до появления «изумрудения...» «закладка», музейного экспоната.

от поэта и для того, чтобы засчитать ему две песни, скажем, пять строк из «Лебедя» переделанного в «Синий птичка», пять строк из потешки «Мы куличи соленые», чужак земли нужных, пять строк расценены как... «одна из самых ярких культурных находок» гибкого изолиционизма! Но ведь в 1945 году весь советский народ — и фронтовики, и женщины, пахари и рабочие, — были выставляемы на показ, выставившиеся у станков по четырем надцати часам... моя сказка, такая же скромная, как и я, оказалась на том коне, что помళа чужак земли или соленые, а потому что сквозь спасительную от нашествия фашистских коней стала дороже, милее во много раз.

Говоря о всемирно-историческом подвиге Советской страны в «годину испытаний, в боях с ордой громил», Исаковский во весь голос напоминал:

Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад.
Ложилася под танки
С сизаками гранат...

И что же? Это еще молчаливо
приняла критика. Но... Но стомлю
поэту показать, трагический, пол-
ный самопограничивания путь Рос-
сии в одной фигуре, собрав
все в единую фигуру историю
(Достоевского) — склонившуюся
«Враги склонили родную хату», как
вновь засували упреки в якобы
избытке печали в строках о горе
солдата, слезе несбышившихся
Полу. Позу историю советовала
научная литература, а вспомнили
там бы с ними поговорили, дали
бы совет, помогли бы. Отвечая
одному из критиков, поэт писал:
«Непостижимо, почему критик
осуждает «небесшившиеся надежды»
судьи, который хотел, вернув
свои воины, вернуть и свою семью
из родных боянок, но никого не
вернел!» Кто, кроме погибшего в этих

Странница
для женщин

надеждами, сбывающимися или даже несбывающимися. Печально, что вспоминаю об образе советского человека! Разве миллионы советских солдат не были хоспителями таких же самых надежд? (Причем у многих надежды так же не сбылись, как у моего солдата)... И то, что он тяжело перенес, и что он не сумел пережить ее могут только недушевленные предметы), критик называет «зазыканием в мирок личных утрат и переживаний».

Вероятно, не раз возникала в душе поэта ощущение, что даже наилучшие из первых лирических стихотворений «Снова... замерло все», до рассвета (1945), написанное в главном своем смысле в составе цикла «(Слова о России, «Русской женщине») «Враги скожили родную кату», «Ульши меня, хороща», — залезли как «деревенские птицы в город». И вспомнила-Богданова, очаровавшая скопинской песня об одиночной гармони и деревенском парубке-гармонисте... Но ведь и она — тревожное эхо войны! Вновь разрушила многое родственное, сердечные, соседские взаимоотношения, туда, единую корнейную почву, заселили в ней каждого и всячес вместе. И теперь, после войны, народ «карашивается» воедино порванными волокна, восстанавливает то духовное, нравственное кровообращение, без которого скудна доля, холода и бездушности... Кто из уходивших, из обретенных, из потерянных с другими, отыскался не сразу. Сердечные мысли того же солдата, которую порой некуда нести печалью свою, выразил поэт в задушевных мольбах, стыдливых просьбах:

Успишь меня, юноша,
Усади меня, покиньши...
Зади мои вечечки
Любовь неустыдимая!..

Конечно, и одиночка гармонь, бродящая по улице где-то... это же символ множества душ, которые, как птицы не пепелище, кружились, метались, восстанавливали гнезда, отыскивая давнины узы, родину душевной теплоты.

Победа окуплена болью, уносимой лыжами в сердцах, огненная метель войны заставляет глубоко в теле народа, обрывает такие сложные узы, что сказывать их невозможно трудно:

То погиб на полях, за вероту.
То обратил врага в плен, подбирая.
Словно ищет в потемках кого-то
И не может никак отыскать.

Поэзия Михаила Исааковского — соловьевое чудо России, давно отыскивавшая своих читателей, слушателей и певцов, про должавшая жить в сердцах и воспоминаниях народа. Творения Георгия Социалистического Труда М. Исааковского ныне воспринимаются как глоток родниковикой воды с ее чистотой и свежестью. И невольно приходит в голову, с поверхности родника всплыло чистое, ароматное, застелнуло паутину, чтобы вновь и вновь зачерпывать из живой, пульсирующей чаши.

ЧТО ВЫ НОСИТЕ ДОМА?

У вас хорошая фигура, красивые манеры, вы обладаете врожденным изяществом — словом, привлекательностью, но обладаете вас своим милым и сделала вас достаточно привлекательной женщина. К тому же вы всегда элегантно, со вкусом одеты. Так сингают ваши друзья, знакомые, сослуживицы, встречающиеся с вами в театре, на улице, в служебной обстановке. Да, сейчас у вас отличный настрой, вы чувствуете себя уверенно, смотрите на окружающих своим внешним видом, терпко знаете, в чем вы пойти на торжественную встречу, праздничный вечер и как одеться, собираясь на работу, что взять с собой на отдых к морю и на лыжную прогулку. Но выградили бы вы, если бы я спросил, как вы одеваетесь в выходные дни, а условия работы большинства женщин заранее предопределены деловой стиль ее одежды. К тому же мода, серийное точнее, многосерийное производство нашей легкой промышленности делает ее одежду для каждого члены семьи, стандартными, одинаковыми. А ведь мы, женщины, так не любим быть похожими друг на друга, отставая свою индивидуальность. И вот как раз моды можно настоимому проявить свой индивидуальный вкус, позволяя себе даже нечто вытерпевшееся оторочка — этот аксессуар, который подходит для элегантной женщины, больше того, он совершенно недопустим для любой удачливой себя женщины. Понятно, что возможности не у всех одинаковы. Но тем не менее, покупая очередную пару пальто или новую блузочку, задумайтесь о том, какими достоинствами ваши домашние таточки. Чего греха таить, есть еще женщины, рассуждающие так, что «люди» надо во что бы то ни стало «девятин», а дома можно перебираться кое-как. И вот почему, когда я вижу на улице кристальное доме хрустя хозяйку в стоящих тапочках и вышеставшем, едва запахивающемся халатике. Пора нашей Золушки-домашней одежде уделять особое внимание. Тем более, что это неслыханное удовольствие.

Всегда, конечно, хорошо отложить халатик на неудачу предварительно забынию. Он по-прежнему необходим. Удобны и брюки, таком полюбившиеся женщинам. Только дома им хорошо носить с хлопчатобумажными маховицами, блузами более свободного распашного покрова, не стесняющими движения при выполнении домашних дел, легким

стирающимися. Практичны, красивы длинные сибирские юбки, хлопчатобумажные платья, которые легко шить самим из разных по рисунку кусков дешевой ткани. Сочетание и украшения шитьем, тесьмой, лентами, кружевом, Фартук, часто и легко стирающийся, тоже можно расшить аппликациями из красных цветов, сочных листьев или аппетитных фруктов. Складки, оборки, рюши, кружева, да даже более чем уместны. Очень хороши для домашней одежды наряды матери разных народов всегда привлекательны в одежде.

Сегодня по просьбе читателей нашей «Странницы для женщин» мы публикujemy конкретные модели некоторых видов домашней одежды.

Этот тематический наш талинские модельеры занимаются давно и много, — сказала в беседе с нами заместитель главного художника ТДМ Мая Рандионда. — Мы разрабатываем два типа одежды для дома: туалетную с передниками и более свободную для приема гостей. Для гостей наряды предполагались в передаче эстонского радио «Дом и семья», предложившим нашим слушателям высказать свое пожелание по вопросу о том, как должен быть одет человек, который придет в гости. Всех было много и самое разное. Выяснилось, даже мужчины. К сожалению, большинство из них еще предпочитает удобство даже в ущерб эстетике. Наша задача не допустить, чтобы они носили тренировочные костюмы, быстро пребывающие в промышленный вид из-за вытягивающихся на талии брюк. Декоративная рубашка с хлопчатобумажными, вельветовыми или джинсовыми брюками вполне доступны, удобны и эстетичны для дома.

«Странница для приема гостей» заинтересовалась результатом. Для близких друзей, конечно, можно одеться посвежее. Особенно хороши в этих случаях декоративные длинные платья, украшенные цветочным кружевом, шитьем. В холодной квартире удобны теплые юбки из яркой пледовой и шерстяной ткани с вязанными шапками.

Отмечая какую-либо торжественную дату или принимая мало знакомых спутниц мужа, следуют одеться построже. Тут особенно удобны юбки с блузками. Блузка может быть из шелка, шелк-праздничный, но в ком случае не театральный наряд. Его можно сшить из ярких блестящих атласных, вискозного шелка тканей. Этот вариант особенно хорошо для молодежи. В нем вы можете прям из дома пойти потешевать в клубе.

Аксессуары, украшения могут быть яркими, но ни в коем случае не дорогими, хорошо сочетаются с дешевой тканью и простотой покровов домашней одежды.

Итак, предложенное наставление женщине, стремящейся быть элегантной дома... — хозяйка всегда должна быть одета скромно, дабы не смущать никого из пришедших в ваш дом гостей.

Итак, талинские художники Эльги Лещини, Кристле Хемельнини и Мая Рандионда предлагают варианты одежды для дома. (См. последнюю страницу блокнота).

Б. МОРОЗОВА

За стойкой отеля, на которой ничего нет, кроме календаря и большой стеклянной банки с разноцветными конфетами, стоит хозяин отеля — Джеймс Эрл Брайорз. Он имеет небольшого роста, полна, с седыми, чуть голубоватыми, аккуратно уложенными волосами. Она вышла на вопросы спокойно и держится тоже спокойно. А чего ей, собственно, волноваться? Ко всем этой истории она не имеет ни малейшего отношения. Мало ли людей на свете, мало ли о чём такие с кем счеты, мало ли кто может убить кого-то без заслуги? И нечестивые люди, морщились, когда она входила в комнату, вот и все. Чего же ей волноваться? Поэтому она держится спокойно и с достоинством. Кажется, она даже не без симпатии говорит о том человеке, который стрелял.

Брайорз. Это был честный, открытым господин, очень любезный, подобный любому другому. Ни чего в нем такого было. Теневые kostюмы. В руках какой-то баул, больше ничего не было. Вопрос: «Что вы делали в тот вечер?»

Брайорз. Научу-нибудь. Я и сам называю, какую. Я сказала, поганушка, вам № 8 с кухней за 10 долларов. Не знаю, Стивенса. Но он отвечал, что я вовсе не походила на кухня. Я была только спящая. Кухня не обязательно. Ну, спальни так спальни. Что тогда предложил плюш? Он сказал: «Вот и прекрасно». Всеми были довольны.

Вопрос: Он ходил наверх осматривать ком-нату?

Кто же все-таки видел Джеймса Эрла Рэя в меблированных комнатах миссис Брайорз? Где же та неопровергнутая доказательность, на основе которой Джеймс Эрл Рэй признался в себе виновным и получил без суда 99 лет тюрьмы?

И тут на сцену выступают господин Стефенс. Поморщились — Чарльз Стефенс, постенный яицек, меблирующий, который, как заявлено обвинение, «усыпал звуки выстрела и вышел в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть левый профиль подсудимого, когда тот повернулся спиной на лестницу».

Сенсации в Америке создаются и смениваются друг с другом. Быстро, информация сегодняшняго настолько плотно заливает информационно вчерашнюю, что привыкать да и необходимость жить только сегодняшним днем так настоятельно требуют поскорее, как можно скорее, забывать день вчерашний, что в массе своей американский читатель не имеет ни желания, ни возможности сопоставлять газетные сообщения с реальностью. Быстро, быстрее, быстрее времена дешевой, чем два с половиной месяца. Может быть, поэтому никто особенно не удивился тому, что покойный в июне 1968 года в лондонском аэропорту Джеймс Эрл Рэй нынешний был похож на свое изображение, созданное вскоре после 4 апреля 1968 года фебрезовским художником со слов Чарльза Стефенса, давшего обитателю одной из меблированных комнат миссис Брайорз.

Я в то время жил в Америке, внимательно по своим журналистским обязанностям следил за делом об убийстве Мартина Лютера Кинга,

сти объясняли это по-разному. Одни говорили, что Стефенса упрятали в тюрьму для того, чтобы оградить его от возможных угроз (хотя, как признавали сами представители власти, никто никогда не угрожал Стефенсу), другие заявляли, что Стефенс страдает алкоголизмом и что, для того чтобы избежать опасности, было решено судить свидетеля, которого бы неизвестно в Джеймсе Эрле Рэе того самого человека, который после выстрела направлялся из ванной комнаты на втором этаже к выходу из гостиницы миссис Брайорз.

Но истинной причиной заключения Стефенса в тюрьму, по-видимому, было желание власти изолировать Стефенса от возможного распространения информации со стороны журналистов. Потому что ответы Стефенса на эти неизбежные расспросы могли сильно подорвать доверие к его свидетельским показаниям.

На портрете человека, виденного бедигой Стефенсом и гаррисоновым с его слов художником Чарльзом Стефенсом, изображено лицо (три четверти левого профиля) геройной и резкой линий нижней челюсти, выдающимся вперед твердым подбородком, ясно очерченными ноздрями длинного носа, четким рисунком бровей, посаженными низко над глазами.

Портрет печатался во многих газетах, в том числе в «Нью-Йорк таймс» 15 апреля 1968 года, откуда и был взят.

Если сравнить этот рисунок с фотографиями Джеймса Эрла Рэя, которые появились значительно позже, то несомненно их бросается в глаза.

ИСТОРИЯ ОДНОГО УБИЙСТВА

Брайорз: Нет, сразу согласился. От восьмой откладки, а на пятую, я сказала, и говорю: «Вы хотели бы сейчас расплатиться?» Я говорю: «Как угодно». Тогда он: «Лучше сейчас. Вынул из бумажника 20 долларов — номинальных, и протянул и прогнал мне двумя руками.

Вопрос: Вы помните, каким рукам?

Брайорз: Да, помню. И потом сказала таинственным тоном, каким признаются в чём-то не без гордости): «С юным». Он не линя.

Вопрос: Да, юным?

Брайорз: Я ведь уже сказала вам — костюм темный, подстриженка аккуратная.

Вопрос: Костюм темный?

Брайорз: Что значит — какое лицо? Лицо никакое. Нос, два уха, глаза.

Вопрос: Вы, пожалуйста, расскажите, какой нос — длинный или короткий, какие глаза — голубые, зелёные, чёрные, общее, какое лицо?

Брайорз: Я не смотрела на него. В книгу я его записала, в регистрационную книгу. Я не смотрела, я не могу записывать и вечно смотреть, на лицо.

Вопрос: Но практически вы, однако, заметили?

Брайорз: Неничего я заметила, а стринки.

Сейчас много патлатых, а это — нет, этот был лучше.

Вопрос: Кто, кроме вас, мог этого здесь видеть?

Брайорз: А кто же здесь? Я одна. Может быть, кто-нибудь из постолиц на втором этаже?

Миссис Брайорз, по-видимому, действительно не глядела лицо человеку, который назвал себя Джеймсон Виллардом. Потом она сказала:

Джеймс Эрл Рэй, вы можете видеть и фотографии из всех газет, миссис Брайорз посмотрела на фото, высунула язык и, покачав головой, сказала: «К я бы в жизни его не признала... Ни за что бы не признала».

но и я, каюсь, в водовороте событий (сообщение о поимке Джеймса Эрла в лондонском аэропорту было передано всеми телеграфными агентствами, как известно, в те минуты, когда по Пятой авеню в Нью-Йорке произошла трагедия, унесшая жизнь гробом Роберта Кеннеди, жертвенного общества, по замку свежести информации, оттеснившего на второй план убийство Мартина Лютера Кинга) не сразу обратила на это несходство внимание, не сразу нашла время порыться в старых газетах, взглянуть на фебрезовский портрет Рэя и сравнить.

А различие было большим.

Сразу после убийства Мартина Лютера Кинга журналисты бросились с вопросами к Чарльзу Стефенсу, который он был, как и многие другие люди, в то время, предполагаемым убийцем, когда тот сразу после выстрела направлялся к лестнице, ведущей вниз к выходу из гостиницы. По словам Стефенса, убийца был небольшого роста, даже «коротышка», мелкого телосложения. Это описание имело общего с общим, арестованным в лондонском аэропорту Норвиче Стивеном Стейблом, которого Стефенс видел бежавшим из гостиницы после выстрела, было для журналистов нечто просто очевидное. Конечно, невозможность. Я сам звонил в Мемфис в июле 1968 года, пытаясь разыскать Стефенса и хотя бы побеседовать с ним по телефону. Но оказалось, что главный свидетель обвинения был... посажен в тюрьму.

Полицейские и судебные мемфисские вла-

сти, созданный со слов Стефенса, удивительно напоминает лицо другого человека, лица которого промелькнуло никем не замеченным в Далласской газете за четыре с половиной года до убийства Мартина Лютера Кинга, то есть вскоре после убийства президента Кеннеди.

Эта фотография и продолжала бы оставаться никем не замеченной, если бы не случился, происшедший вскоре после того, как в газетах появился фебрезовский портрет предполагаемого убийцы из «Фоксбичайнса», то, что преступник попался под псевдонимом Эрик Старро Голт. К одному из наставников Эрика Голта, то есть человеку, действительно носявшему это имя, однажды подал знакомый шофер грузовика и сказал, что у него есть фотография убийцы Мартина Лютера Кинга.

— Откуда у тебя может быть его фото? — спросил удивленный Голт.

— Из газеты — ответил водитель.

— Разве его уже поимали?

— Нет, но он, понимаете ли... как-то так... наверное, не первый раз занимается...

— Чем?

— Его один раз уже поймали — в Далласе... ну, знаете, когда убили Кеннеди... Джакка, я имею в виду...

И шофер протянул вырезку из далласской газеты, относящейся к новьембрю 1963 года. На фотографии была изображена группа людей, задержанных по разным поводам, полицейской в Далласе сразу после убийства Кеннеди и проходивших проверку в полицейском

участке. Один из этих людей удивительным образом был похож на человека, изображенного на портрете предполагаемого убийцы Мартина Лютера Кинга и нарисованного со слов Стефенса.

Шериф объяснил, что газету он нашел однажды во время поездки по городам Соединенных Штатов под сиденьем у себя в кабине (видимо, кто-то из случайных пассажиров оставил), вырезал снимок и хранил. И вот теперь, сравнив два изображения, подумалось сходству.

В следственном деле Джеймса Рэя — Чарльза Стефенса — фигурировало множество свидетелей, который уверялся, что Джеймс Эрл и человек, бежавший после выстрела из ванной комнаты к выходу из гостиницы, один и то же лицо. Не странно ли это? Не странно ли, что ни судья, ни обвинитель ни словом не обмолвились в суде о том, что прортрет, нарисованный в ФБР со слов Стефенса, не похож на действительного Рэя. Не странно ли, что Стефенс был упрятан в тюрьму для того, чтобы преградить к нему доступ журналистам?

Не странно ли, наконец, что обвинение не пришло во внимание показание другого свидетеля, точнее, свидетельницы, которая находилась в гостинице во время выстрела рядом со Стефенсом и которая была трезва, в ясном уме и твердой памяти! Я имею в виду миссис Грэйс Стефенс — жену Чарльза Фенса.

Если бы миссис Грэйс Стефенс была вызвана в качестве свидетеля, ее показания (которые она повторяла в первые дни после убийства журналистам) выглядели бы приблизительно так:

Вопрос: Где вы находились около 6 часов вечера 4 апреля?

Грэйс Стефенс: Я была в своей комнате в гостинице. Около шести часов я услышала выстрел.

Вопрос: Откуда шел звук?

Грэйс Стефенс: Я не могу сказать, откуда шел звук, но знаю, что он отдался за щеку под носом моего сына.

Вопрос: Это то, что вы слышали. А что вы видели?

Грэйс Стефенс: Сразу после выстрела из ванной комнаты вышел человек, прошел в холл и открыл двери на ступеньках, к выходу на Саут-Менинг-стрит.

Вопрос: Каким образом вы узнали его? Гравюру на фотографии ему через открытую дверь из моей комнаты?

Вопрос: Можете ли вы сказать, как он выглядел?

Грэйс Стефенс: Мне кажется, ему было лет 25-27. Несколько. Потом меня спросили, существует ли у вас в комнате камера видеонаблюдения, и я сказала, что да.

Вопрос: Скоро после выстрела пришли полицейские в гостиницу?

Грэйс Стефенс: Вначале прискалькали репортеры. И они вошли в нашу комнату. Но никакого покоя не было. Они были в ванной комнате по крайней мере в течение 4 часов после выстрела. Когда один из них зашел за вязьми, я сказала им, что я беременна, и там меня допрашивал инспектор Эзмер...

Итак, оказывается, свидетели, которые видели человека, бежавшего из гостиницы после выстрела, были двое. А один, как утверждают в полиции.

Однако миссис Стефенс, чьи изображения фигурировали в официальных бумагах следствия и не упоминались во время мини-суда. Поскольку то, что говорила она, опровергнуло версию об убийце-одиночке, Джеймс Эрл Рэй — выше среднего роста. А человек, которого видела миссис Стефенс — низкорослый, Рэй — крепкого телосложения, мускулистый. А миссис Стефенс видела шупленькую Рэя толстую блондинку, а женщина видела человека, чьи волосы на пяди.

Впрочем, первые показания Чарльза Стефенса, судя по фбреовскому портрету Рэя, тоже не подходили для ФБР, но алкоголика, по-видимому, легко было уговорить, чтобы он в конце концов купился в Джеймсе Эрле Рэе этого человека. И тогда, когда из коридора гостиницы Том более, что уговорил Чарльза Стефенса помочь торжественной камерой, в которую его заключили.

Ну, а миссис Стефенс оказалась упрямее и

четчею мужа. Ее не удалось уговорить. И тогда, чтобы лишний свидетель не запутал ясного дела, его просто-напросто вывели из комнаты.

8 июня 1968 года Грейс Стефенс была отдана дамы полицейскими, одетыми в штатское платье, в городской госпиталь в Мемфисе. Предлог был изран: простота — у нее после выхвала болела щиколотка. Но в отделении срочной помощи Грэйс Стефенс осматривалась почему-то не хирург, а психиатр, который тут же поставил диагноз: «наклонность к самоубийству». Грейс Стефенс была отправлена в отделение для душевнобольных в дом для умаличивших штата Теннесси.

По свидетельству многих людей, знаявших ее давно, Грэйс Стефенс была психически здоров человеком и могла целиком отвечать за себя и за свои поступки. В истории ее болезни (до помещения в госпиталь) не было никаких данных о суицидальной склонности. Но это не было признаками психического заболевания. Ее поместили в госпиталь незаконно, как по существу, так и с точки зрения процедурных норм, требующихся в таких случаях. По закону администрации больницы должна была заранее уведомить родственников Грэйс Стефенс о предполагаемом ее госпитализировании. Но никто из ее родственников такого уведомления не получил.

И еще одно: история болезни Грэйс Стефенс исчезла из мемфисской больницы, где женщина лежала до этого.

В начале 1978 года я звонил в Мемфис, чтобы выяснить, где находится Грэйс Стефенс. Мне сообщили, что ее все еще держат в доме для умаличивших.

Вопрос: Продолжали там более десяти лет?

Ответчик: Да, от момента госпитализации.

Вопрос: Вы проводили определенные исследования?

Ответчик: Да, под момента руководством мы покрыли специальным составом отпечатки пальцев из ванной комнаты. Отпечатки пальцев из ванной тоже покрыты составом и тоже проверены.

Вопрос: И что же эти отпечатки принадлежат Джеффри Эрлу Рэю?

Инспектор Эзмер: Нет. Было установлено, что эти отпечатки пальцев из ванной № 5 не принадлежат Джеффри Эрлу Рэю. Они оставлены Джеймсом Эрлом Рэем... Отпечатки его пальцев на ванной, винтовке «ревимитон» в бауле, брошенном на тротуар...

Но ведь это же все меняет?

Это значит, что либо в комнате № 5 и в ванной комнате в момент выстрела находился не только Рэй, но и кто-то другой, либо Рэя там вообще не было. Это, вероятнее всего, означает также, что из окна ванной комнаты стрелял Рэй, а из окна ванной комнаты стрелял Чарльз Эзмер. Следователь уничтожил слайды, то он один не мог бы стереть все возможные отпечатки своих пальцев (судя по отпечаткам пальцев на винтовке, он работал без перчаток). Значит, и в этом случае кто-то ему помогал, о заговоре.

Обвинение умышленно умолчало обо всем этом. А писатель Хьюго Уильямсон, лгавший в своем романе, что ванная комната № 5 и ладони на стенах ванной комнаты принадлежали Джеймсу Эрлю Рэю.

Делались ли попытки установить личность человека, которому принадлежали отпечатки пальцев и ладони, найденные в комнате № 5 и в ванной комнате «ревимитон-хазуз»?

Я не нашел указаний на это ни у кого из людей, официально причастных к следствию.

Выстрел в Кинга был сделан из окна ванной комнаты на втором этаже гостиницы Амисис Брюэр. Если посмотреть план улицы и обоих домов, находящихся друг против друга, то можно убедиться, что окно ванной комнаты — самая (если не единственная) удобная позиция для стрельбы по человеку, который хотя бы на несколько секунд попадется на балконе второго этажа мотеля «Лоррен».

Фото одного из задержанных в Далласе в связи с убийством президента Кеннеди в ноябре 1963 года.

Джеймс Эрл Рэй.

Портрет Джеймса Эрла Рэя, созданный художником ФБР по показаниям Чарльза Стефенса.

Оба дома, как в учи сказали, находятся друг против друга по улице Мэлберри. Однако адрес мотеля «Лоррейн» — Мэлберри-стрит. А адрес меблированных комнат (руминг-хауз) — Саут-Мэйн-стрит, № 422½. То есть вход в руминг-хауз — не напротив мотеля «Лоррейн», а с другой стороны, между двумя зданиями улицы Мэлберри. В связи с тем, что «Лоррейн» смотрит окна лишь задней стены руминг-хауз, не имеющей ни входа, ни выхода.

Чтобы оказаться во вне окна, откуда стрелял преступник, надо войти в здание гостиницы со стороны фасада на улице Саут-Мэйн, подняться на второй этаж и по короткому переходу пройти в другое здание, которое соседствует с гостиницей, но второй этаж которого относится к ней (первый этаж занимает рестораник «У Джиммса»).

Если смотреть на окно, откуда был произведен выстрел со стороны улицы Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн», никак не догадаешься, что это окно может относиться к меблированным комнатам миссис Брюэр. Непосвященный человек будет смотреть на руминг-хауз со стороны фасада, он никогда не подумает, что вторая эта здания, где помещается рестораник «У Джиммса» по адресу 418 Саут-Мэйн-стрит, имеет отношение к гостинице. Но если знать, что в здании, где расположена гостиница, кроме гостиницы, работает ресторанчик, что она этого дома занимает не только на Саут-Мэйн-стрит, но и на улице Мэлберри, где стоит мотель «Лоррейн». Одним словом, убийца должен был заранее знать обо всем этом. Он должен был заранее знать и о том, что по балкону мотеля «Лоррейн» возле номера комната № 306 может пронести выстрелы изружиниста, который живет в гостинице, и что из окна этой комнаты руминг-хауз. Из других окон этой части дома стрелять по балкону мотеля было неудобно либо просто невозможно. Да из них закрыты сплошной густыми и высокими деревьями (перед окном ванной комнаты деревья понижены), из остальных окон дверь комната № 306 на балконе мотеля «Лоррейн» она закрыта изнутри здания мотеля «Лоррейн».

Итак, убийца надо было не просто поселиться в гостинице миссис Брюэр, но занять комната только на втором этаже примыкающего здания в номере, который соседствует с ванной комнатой, чтобы в нужное время пройти туда и выстрелить в Кинга с этой единственной удобной позиции.

Убийца, будучи в здании, где Кинг остановился, мотель «Лоррейн», что ему отведут там комнату № 306, очень точно знал план гостиницы миссис Брюэр и знал также, что около шести часов вечера 4 апреля Кинг отправится в гости на ужин к священнику Кайлю и что, направляясь туда, он обязательно выйдет из своей двери на балкон из этого комната, чтобы пройти в здание мотеля. Правда, преступство убийце нужно было знать для того, что на несколько минут до шести часов с винтовкой в руках перейти из комнаты № 5 в ванную комнату (инчев, выжидая момент для стрельбы, ему пришло бы занять ее спешком долго, а слишком долго запирать дверь в ванную комнату могла бы вызвать подозрение).

Судя по тому, что убийца действовал четко, он, видимо, действительно все знал заранее: и план гостиницы, и номер комнаты, в которой остановился Кинг в мотеле «Лоррейн», и расписание его дня.

Мог ли Джеймс Эрл Рэй, действуя в одиночку, обладать всеми этими сведениями? Маловероятно.

Человек, называемый Джоном Виллердом, поднимался на второй этаж, не заходил ни в комната № 8, ни комната № 5. Однако он сразу же отказался от номера восьмого, предложенного начальнику хозяйкой гостиницы, и немедленно согласился на номер пять.

Затем Джон Виллерд прекрасно знал расположение комнат, знал, что будет стрелять из окна ванной комнаты, а жить будет поблизости от нее в комнате № 5, из окна которой удобно было наблюдать за балконом мотеля «Лоррейн».

Кто-то заранее снял его планом руминг-хауз, и убийца, наверное, какую комнату снять.

Комната № 5 была свободна в этот день.

Предположим, что миссис Брюэр держала ее свободной специально для убийцы, конечно, можно, но слишком уж на поверхности лежит вероятность ее участия в заговоре, слишком

спасено это было бы для нее, почти самоубийственно.

Вероятнее другое. Кто-то прокинул сюда заранее, кто-то из тех, кто знал или надеялся, что Мартин Лютер Кинг останется именно в мотеле «Лоррейн», кому нужно было найти именно такое окно, откуда «Лоррейн» пристреливалась к Кингу.

Значит, тот человек, просто прокинул сюда и крутился здесь, потому что прийти и покрутиться, зайти в одну комнату или в другую — это дело не простое, это дело замечательное. Гораздо вероятнее, что он поселился здесь, хотя бы на один день, как только стартовал «Лоррейн» в свой путь к Мемфису. А поскольку, облюбовав ту самую ванную комнату, откуда там удобно можно было стрелять по мотелю «Лоррейн».

Сколько времени он жил здесь? Один-два дня? Несколько часов? Неделю? Месяц? Съехав перед самым появлением убийцы? Неважно. Важно другое: кто-то обязательно должен был жить здесь, подготовливший план стрельбы. Кто?

Меблированные комнаты миссис Брюэр —

это ведь не отель «Плаза» в Нью-Йорке,

в котором каждый день поселяются и из кото-

рого выезжает несколько десятков или, мо-

жет быть, сотни человек. Это маленький де-

шевый и недорогой гордый мотель, в котором

живут долго, и если есть два-три новых по-

столичных в неделю (если не в месяц), то и это уже много. Так что, наверное, если бы по-

смотреть и проанализировать список жильцов

в течение месяца до 4 апреля, можно было бы найти 10—12 человек, а может быть, и того меньше, которые оставались и оставались в отеле день-два, не больше.

Такой список существует в регистрацион-

ной книге каждой гостиницы. В книгу записываются все постояльцы: кто приехал, когда

столько важным делом для ФБР, что оно по-
шагично, чтобы убрать книгу.

Все помнят эту фотографию.

Первые минуты после убийства.

Кинг лежит смертельно раненый на балко-
не стороны и назад, локоть левой безжизнен-
но подвернут, под тело, ступни ног зажеты
моукольной фитнурой стражами.

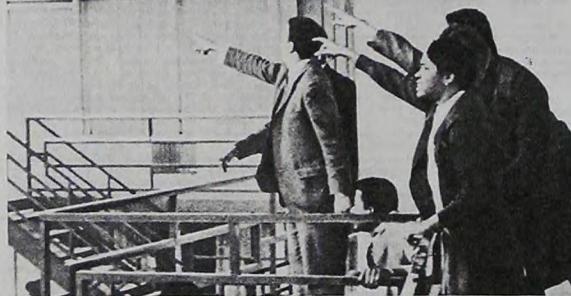
Один из друзей Кинга уже приложил к тому месту, куда вошла пуля, белый платок, безуспешно пытаясь остановить кровь. По-
видимому, в это время кто-то внизу спро-
сил: откуда стреляли? И все, кто был на бал-
коне, смотрели вниз, все повернули головы
и протянули руки туда, откуда пришел выст-
рел. Все в одну сторону.

Это уже второе или третье мгновение после того, как Кинг упал на цементный пол. Уже первый порыв — помочь, помочь Кингу! — от-
ступил. Тёмное пятно под его головой — все
замерло. Кинг лежит на спине, лицо его сердито-
мое — нет, все конечно — уже в смяхе подумы-
вать, что вымышили Кинга в разуме. Или
здесь же, на месте, где сидел Кинг, сидят
и мертвые. Кто-то из друзей Кинга, сидя на полу
и смотря на Кинга, сжал руки на груди, сжал сердце
и подумал, что вымышили Кинга в разуме...

То же самое.

Но жизнь есть жизнь, и борьба будет про-
должаться, и вина эта борьба... Они ото-
врвались от Кинга, поднялись с колен, и кам-
дый, не говоря вслух, протянул руку вперед
и вправо — в сторону, где сквозь чашу бе-
гущего солнца можно было разглядеть окна
того дома, где помещаются меблированные
комнаты.

Их на фотографии пять человек. Не считая

Фото, сделанное вскоре после выстрела по Кингу.

приехал, машина и номер автомашины, какую комната заняла, когда выехала, сколько заплатила. Анализ записей в этой книге мог бы стать бесценным материалом для следствия.

Мог бы. Но не мог.

Оказалось, что книга эта была... утром. Да, утром. Вскорости после того, как миссис Брюэр передала ее агентам ФБР.

Так, во всяком случае, объяснило ее исчезновение следствие.

Потерили — и все. Бывает же в суматохе.

Правда, регистрационная книга — это одно из первых вещественных доказательств. А главные вещественные доказательства, как, впрочем, и второстепенные, теряются не попадают. Особенно в таком высокопрофессиональном учреждении, каким, надо понимать, является ФБР. И особенно в связи с расследованием преступления, которое возмутило весь мир.

Однако утряли.

Причина. Можно предположить только одну. Вероятнее всего, в этой книге была запись о регистрации в отеле человека, чье пребывание там мешало версии ФБР. «Убрать этого человека из меблированных комнат было на-

Кинга... Их можно назвать понименно. Это все друзья Кинга, соратники по cause, его самые близкие люди. Каждый из них с готовностью представил бы свою грудь под пулю, чтобы защитить Кинга. Если бы Кинг знал заранее, если бы сумел предупредить... Оттолкнуть Кинга от летящей пули, не пустить смерть на балкон, который вот он, весь на виду, у окон того дома направ-
лен.

Если бы проверить заранее все те окна: не притягиваются ли там дуло винтовки калибра 30,06, не открырен ли человеческий глаз за щитом стекла, не открыта ли щель отверстия для снаряженного снаряда?

Если бы знать, если бы предугадывать, если бы принять все меры предосторожности за-
 ранее...

Сейчас подробно вспомнили о той фотографии, взмотрев ее еще раз во всех, кто был с Мартином Лютером Кингом на балконе в те трагические минуты после 6 часов вечера 4 апреля, потому что — странное дело — на балконе рядом с Кингом не было охраны.

И во дворе, вину, там, куда он, склонившись, бросил посторонний взгляд, исполненный ульбки и добра—там тоже не было охранников. Ни одного! (Я перенесла, что там был, в самом начале этого повествования.) Но позвольте, Кинга обязаны были охранять полиция Мемфиса. Обязана по той простой причине, что смертью ему грозили многие,— это было каждому ясно; обязаны, потому что Кинг был одним из известнейших американцев, общественным деятелем мирового масштаба.

Учтивая обстоятельства, которые возникли перед возвращением Мартина Лютера Кинга из Мемфиса 3 апреля, меры для обеспечения его безопасности должны были быть широкомасштабными.

Начальником полиции в Мемфисе в эти дни был некто Эрзик Холломен. Тонче, он был начальником и пожарного и пожарного департаментов города. В его распоряжении были также 4 тысячи солдат Национальной гвардии, помочь ему должны были оказывать агенты ФБР, которых было в городе великое множество.

Для обеспечения безопасности человека обычно полиция устанавливает открытый или скрытый пост охраны поблизости от его жилья, которая может принять экстренные меры и быстро связаться с пожарным штабом, чтобы в случае необходимости вызвать оттуда подмогу.

Но в этот вечер Лоррейн находилась дома, из окон которых хорошо просматривалась весь мотель «Лоррейн» и улица в обе стороны. Этими домами были известны нам руминг-хауз и пожарная станция № 2. В обоих Холломен мог бы установить посты полицейского наблюдения и охраны.

И уж, во всяком случае, должен был быть обеспечен способ, каким здания не использовались возможных убийцами.

Холломен принял решение организовать пост охраны Кинга во время его пребывания в мотеле «Лоррейн» в здании пожарной команды.

Мемфисская полиция и раньше организовывала посты охраны для обеспечения безопасности поблизости от отелей, где жил Кинг, когда приезжал в Мемфис. Так что у полиции имелся значительный опыт.

Однако обстоятельства, связанные с обеспечением безопасности Кинга 3—4 апреля, отличались от предыдущих.

Расовая напряженность в эти дни в городе была настолько острой, что меры безопасности должны были быть усилены в несколько раз.

Обычно полицейский пост призван обеспечивать безопасность Кинга—в прошлые его приезды—формировался из 10 человек—детективов, офицеров и прочих чинов полиции. 4 апреля же число было изменено в 5 раз. Но не в сторону уменьшения, а в сторону умненьши. Полицейский пост в здании пожарной команды, откуда было очень удобно вести наблюдение за мотелем «Лоррейн», на этот

раз состоял всего из двух человек: детектива негра Эда Реддита (командир) и его помощника, белого полицеиста из Мемфиса Уильяма Ричмонда.

Детектив Реддит пользовался славой честного и серьезного работника, он не в первый раз занимался обеспечением безопасности Кинга в Мемфисе, знал в лицах всех людей, которых он видел. Он один из членов Южного Совета христианского руговства, знал их машины, номера машин. Знал он красно-желтые кукурузосеющие, самых разных расистов (из стопу потому, что был детективом, сколько потому, что был негром), а также всякого рода экстремистов. Он был весьма удивлен, когда узнал о решении начальника направить его пост охраны только двух человек.

Две человека—это очень мало для обеспечения безопасности Кинга. Но Реддит все-таки надеялся на себя. Он выработал точный план действий на случай, если Кингу грозила бы конкретная опасность.

Однако этот план был приведен в исполнение не сразу, по простой причине: Кинга не было на месте в момент убийства Кинга. Приблизительно за полтора часа до tragediiического события в здание пожарного охраны приехал лейтенант Аркин, который служил в разведделе мемфисской полиции. Он поднялся по лестнице на второй этаж в комнату, где сидели оба детектива, дожидавшиеся Реддита, холстинку на плечу и сказал:

— Эд, тебе вызывают в штаб.

— Зачем?

Аркин покзал плечами.

— А кого вместо меня?

— Не знаю, — ответил Аркин, — по-моему, никого.

— Ты что же, на весь пост останется один человек? Одним Ричмондом! — удивился Реддит.

Поспешный, заданный вопросы полегче. Это пришел Холломен, — и Аркин повернулся к выходу.

На посту оставался один человек. Что он мог сделать в случае опасности? Вызвать по радио подкрепление? Но, как известно, в ситуациях, когда для воздействия требуется единственный подкрепленный, обычно прибывает, когда все уже кончено. Так рассудил Реддит, и он спешно поднялся в лестницу. И сделалось на то, что начальство будет держать его недолго и что вскоре он снова будет на месте. Реддит сел в машину к лейтенанту Аркину и поехал в полицейское управление.

В тот день, 4 апреля 1968 года, приблизительно за час до убийства Мартина Лютера Кинга в комнате начальника полицейского управления Мемфиса Фрэнка Холломена проходило совещание начальников и заместителей начальников всех полицейских и других подразделений, которые представляли собой различные силы в Мемфисе. В кабинете Холломена находились шериф, глава и заместитель начальника дорожной полиции, командующий отрядами Национальной гвардии и его заместитель, начальник и заместитель начальника

пожарной охраны и т. д. и т. п. Таков совещанийный обозначение. В разведделении службы портфель Мемфиса в тот день, когда расовая напряженность в городе подходит к апогею, само по себе удивительно. Ведь совещание можно было провести по селектору, по многомерному телефону. Можно было, наконец, вызвать к себе только начальников подразделений, оставив на месте действия их заменников. Однако нет, Холломен собрал у себя всю администрацию власти.

Когда Реддит вошел в кабинет Холломена, он застал их всех. Начальник полиции поднялся на встречу детективу.

— Ну вот, наконец-то ты пришел, Эд. Слушай, тут есть важное дело для тебя... Холломен положил руку на плечо Реддита и увлек его в сторону, подаваясь от стола, за которым сидело совещание.

— Слушаю, сэр.

— Понимаешь, какая штука,— сказала Холломен, не снимая рук с плеча негра.— Тебя, понимаешь ли, готовят к убийству, вот в чём дело.

— Меня? Кто? — удивился Реддит.

— Да, видишь, какая ты у нас теперь важная птица, — засмеялся Холломен, — уж, по-крайней мере на тебе готовят.

— Ошибки какая-нибудь? Кому я нужен? Холломен понимал голос:

— Вон видишь того джентльмена? Он из информационной службы, из Вашингтона. Специальная природа твоего дела, тебе них есть абсолютно точная информация от должностных лиц штата Миссисипи, что один таможня организация туполовых призыва решения убить тебя.

— Из Миссисипи? — еще более удивился Реддит.— Да что я им сделал? За что?

— Узнай не знаешь. Знаю только, что они отрядили для этого снайпера из Сан-Луиса. Вполне возможно, что у них уже есть в Мемфисе. Благодаря тебе, Эд, тебе, тебе, — и ты, — понимаешь ли, специально летят люди из Вашингтона для того, чтобы сообщить нам об этом. Так что тебе лучше всего, брат, ехать домой. Дам тебе двух офицеров на всякий случай, и езжай.

— Как же с охраной Кинга? — спросил Реддит.

— Тут не беспокойся, это, понимаешь ли, моё дело. А ты давай домой и сиди там с обмыми офицерами, пиво пей.

— Зачем же домой? — спросил Реддит.— Переводите всю семью. У меня теща больная.

— Надеюсь, что, когда ты вернешься домой, — недовольно прорычал Холломен.— Ну, хорошо. Можно же не домой. Поставь машину подальше от дома и сиди в ней. Эти двое будут вместе с тобой, в машине.

— А Кинг? — еще раз спросил Реддит.

— Что Кинг? Ничего, понимаешь ли, не сделается с твоим Кингом. Там все будет в порядке. Езжай домой. Это приказ. Понятно?

Продолжение следует.

ОБЖИВАЮЩИЕ СТИХИЮ

«Устали»—по-азербайджански значит «мээрт». Этими словами награждаются самые лучшие поэты Азербайджана. Пир Гулиев, герой документальной повести азербайджанского писателя Вагифа Гаджиева, «Устали»—это родоначальник целой династии нефтяников Каспия. Впрочем, это не совсем так,

С. Ведиев. *Династия Гулиевых*. Госполитиздат, М., 1979. 96 стр.

ибо Пир Гулиев пришел на прошлую столицу своего отца. Еще в прошлом столетии трудился на промыслах в Сурханах Дост Мамедов, старший брат которого тоже есть добывал нефть, вручную и с помощью дезертов. Из поколения в поколение, от отца к сыну передавалась добрые трудовые традиции селен Гулиевых и народным поклонением Устали. Пир Гулиев был одним из пионеров морского бурения. Его спутником Паша Гаджиев стал первым, кто стал крупным ученым в этой области. Научно-технические достижения Пир Гулиева, как отмечает С. Ведиев, граничат с чудесами. С этого документального рассказа Гаджиева не лишен элементов художественности. Его диало-

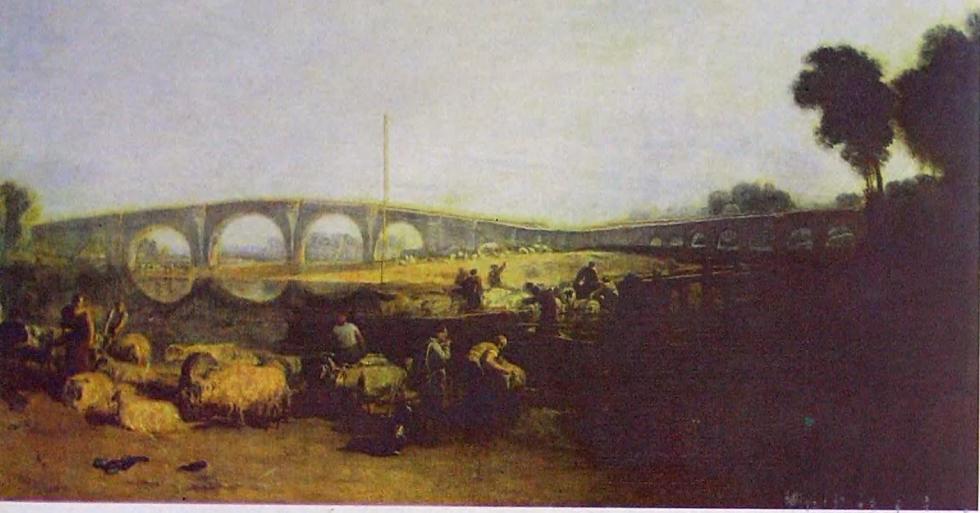
гичность сквознепроницаема. И острые Пир Гулиев, С. Ведиев в «загадковом» обозначении—и как «Хроника одной семьи». Термин «хроника» не имеет здесь наименования суммы, а есть употреблен автором термином без основания. Не все члены семьи Гаджиевых были учеными, связанными с нефтяными промыслами. Один из сыновей Пир Гулиева, например, был рабочим на нефтяном месторождении. Но, прослеживая в хронологической последовательности те или иные события в жизни Гаджиевых, можно определить, что бы ни были эти люди—ученые, общественные деятели, политики, рабочие, интеллигенты, но они все были связаны с теми или иными одно—рабочая занята, умение трудиться. Трудиться так, чтобы жарко было и наебу и морд!

Валентина ЛЕВОЧКО

Томас Гейнсборо. 1727—1788. ЭЛИЗАБЕТ РОТСЛИ, ВПОСЛЕДСТВИИ ГЕРЦОГИНЯ ГРАФТОН. 1764—1765.

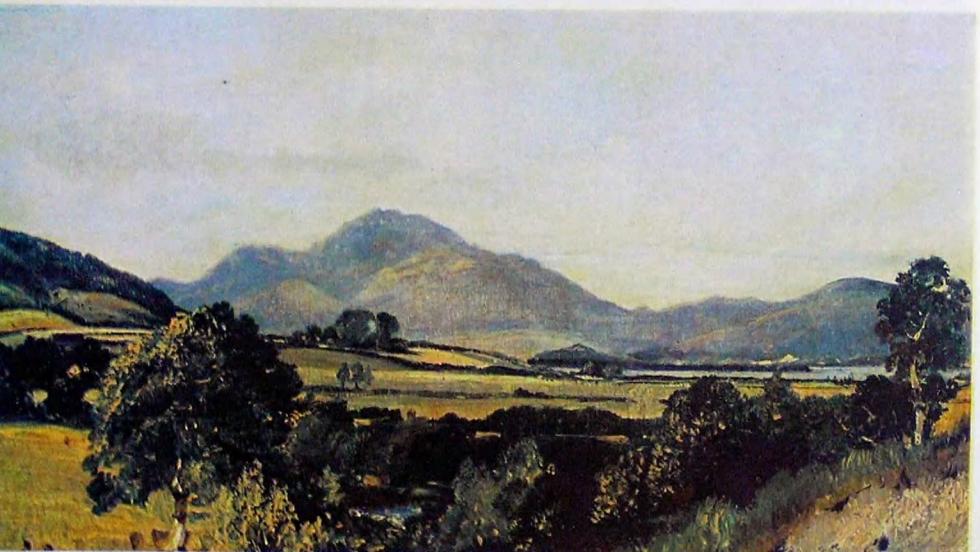
Национальная галерея Виктории. Мельбурн.

Джозеф Тёрнер. 1775—1851. УОЛТОНСКИЕ МОСТЫ. 1806.

Джон Констебл. 1776—1837. ОЗЕРО КЕСВИК. 1807.

Национальная галерея Виктории. Мельбурн.

земля родная

Тихое место это Домотканово. Имянин бывал тут также. По береговой аллее проходили редко, стараясь не тревожить во время работы художника Валентина Александровича Серова. Еще совсем молодым в 1888 году, до женитьбы, он написал здесь знаменитую «Девушку с освещенной солнцем лицом» — портрет Марии Яковлевны Симонович. Работал Серов над портретом, по своему обыкновению, долго, три месяца. Много лет спустя, умер незадолго до смерти, в 1911 году, художники, стоя однажды в Третьяковской галерее перед этим шедевром, члены общества любителей изящных искусств вспомнили о Серове: «Написал вот эту вещь, а потом всю жизнь, как ни пыкался, ничего уж не вышло: тут весь выдохся» — вспоминал И. Грабарь...

У входа в сельский музей В. А. Серова (он расположился на территории колхоза имени ХХII съезда КПСС) установлена мемориальная доска. Поднимаясь с проходящей внизу холма дороги к одному из зданий, в котором жил Серов в Домотканово, я невольно остановился у огромной бересклета, погладил ствол, неожиданно заметив на нем, в два шага от земли, обработанный почумой-то трещину. Постола, прикинув, что могло видеть это дерево, свидетелем каких великих перемен в жизни людей оно стало... Может, и Валентин Александрович останавливается отдохнуть здесь, может, помнит бересклет и легкие шаги Марии Яковлевны.

Экспозиция музея — четыре небольшие комнаты. В пятой библиотека — книга шесть тысяч томов, последней — хранилище. Предметы усадебного быта, фотографии, рассказывающие о Домотканове и его прежних владельцах, преподнесенные в дар из музея работами самого Серова, книги о нем — вот, собственно, и все. Мало! Но ведь это в деревне, далеко от железнодорожной станции, по прежнему времечко — в глухи.

Музей был открыт в 1965 году в связи со столетием со дня рождения художника и земляка художника, который подолгу жил здесь и работал. Почему именено здесь? Дело в том, что Серов был приятелем хозяина имения, молодого художника-пейзажиста Владимира Дмитриевича Дервиза, женатого на его родственнице. Да и многое здесь очень красочно. Отсюда и название «Домотканово» неоднократно в теме всей своей жизни, написав в этом скромном имении свыше тридцати полотен, вошедших в сокровищницу русской живописи: «Девушку, освещенную солнцем» (1888), «Заросший пруд», «Соловьи» (1890), «Лесной пейзаж» (1895) — портрет жены художника О. Ф. Серовой; «Октябрь. Домотканово» (1895). «В деревне. Баба с лошадью» (1898)... Серов сам прославил своего друга еще до покупки имения едил его омарстить. Он как художник и первый оценщик его дома, художественного спирту, спасший края этих мест.

Председатель совета музея Александр Федорович Минхес, как сам про себя любит говорить, «человек пробойки». Он не молод. В прошлом учитель сельской школы,

ты, затем ее же директор. Прошел воину...

— Разве она кому-нибудь мешала? — будто спросил он сам себя, когда мы проходили мимо раненой бересклети, на которую и я обратил внимание. — А этот тракторист думает растет двести лет, так ничего не будет...

— Да, — продолжал он, — заслонят. Вот прошлогодний глиняный обмазал, тряпкой обмыт...

Живет Александр Федорович с женой, тоже когда-то учительницей, в маленьком селе Захеево, от Домотканова — с горы спуститься. Редко встретишь такого

обичен. Вообще, как известно, Север любил изобразить пощаду, и на этот раз он задумал написать стоящую на земле, обвитую полынью тряпкой лошадь, освещенную лицом местами. Каждый вечер зажигали факелы, чтобы заслонить к крыльям дома...

— Здесь, — учил Григорий из деревни Никитин, останавливаясь на поляне. Протирали дверь дома и за нее ставили сияющую из полупрозрачной ткани из погнутых открытых дверей подъезда вымысла яркость, которая давала яркую освещенность, обманывающую предметы... Постепенно из темноты высыпалась лошадь, кобыла, колеса, коляски — глазным образом тех частей ее, на которых светилось, светилось...

Скоро удивлялись, чем виделись. И вот эти намени на окружа-

ющей работе. И ревностно собираю все, что касается Домотканова.

Этот тверской усадеб, по словам Грабара, Россия во времениству обязана «крестьянским Северовым», давшим превосходные картины жизни русской деревни. В. Д. Дервиз вспоминал: «Я был в деревне Бородин Александрович, в деревне с деревенским скотом, которого другой художник вообще не видел — это было для него делом нескольких минут. Однако... при писании портретов отчасти что-то требовалось от модели громадное количество се-

В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

доброго, простого и одновременно очень интеллигентного человека. Гордится тем, что он пишет картину изображением Бородина, знает немецкий язык в совершенстве, первые в Домотканово, где бегал мальчишкой, неподалеку от которого родились и отец и дед... Это он, Александр Федорович, подсадил между старых бересклетов тонкие пруттики молодых побегов... Он, собственно, живет всем эти годы.

Папки и оправы всех документов, относящихся к Домотканову, газетные вырезки, папки с воспоминаниями живших здесь когда-то людей — все это аккуратнейшим образом содержитя в хранилище музея.

«Серов не любил вычурности, всегда стремился к наиболее простому выражению мыслей и всякой правде в жизни».

Очень Валентин Александрович был скромен, и это неудивительно, потому что, тем острее и янее замечал он в окружающем красавицу природу, тем ярче и ярче проявлялась характерная черть данного человека, часто смешные склонности.

«Передать подилическую особенность... Валентин Александрович умел это делать, не прибегая к краскам или цветом, но и представить на глазах образом: жестом, выражением лица, движением головы, движением глаз, всей своей фигуру... И при этом получалась необычная, художественный образ... Я сказал, что Валентин Александрович был моделью... — он-то, конечно, не хотел, чтобы по способности войти в общение с окружающим, нарушить молчание...»

Известно, что в 1911 году в Домотканово было постоянное «стремление... точнее, прадраме, характерное передачи» трагедии. И он не уставал пополнять свою гиляндование.

Ющее в темном воздухе и надо было в темноте видеть, чтобы не угадывались, очевидно, вместе с тревожным отъездом...

Когда-то в иногда моросила дождь, и это мешало работе... Валентин Александрович уехал. Караваном, в который входил Раньше она висела в Третьяковской галерее, над дверью, и неизвестно, над какой дверью...

Жив ли человек, оставивший эти интересные записи? Как сложилась его судьба?

— Судьба моя сложилась довольно просто, — рассказал Георгий Валерьевич, который наставил меня в деревне дома, на многочисленных Садовых колыбелях. В 1916 году поступил в Московский университет, на медицинский факультет. В 1921-м окончил — был ускоренный выпуск. На экзаменах по биохимии профессор сказал мне: «Надумавте, приходите к нам работать... И я стал работать в Институте дерматологии — там меня называли аспирантом — и научил биотехнико в преподавании к медицине. С ней, собственно, и связана вся моя жизнь... Позже сам стал профессором... А сейчас пенсионер, но про-

ансов. Происходило это, конечно, потому, что онставил перед собой более сложные задачи, чем просто достижение портретного сходства».

В Домотканове, кроме Серова, работали Левитан, Билибин, Фёдоровский. Своего рода второе Абрамцево! В 1965 году шефство над музеем было взято Калининской картинной галереей. Выделялись деньги, которые нужны для парка, расчистки склонов усадебных прудов.

— Думали, дело дальше пойдет. А дальше — почти не двигалась, — говорит А. П. Минхес. — Правда, помогают председатель нашего колхоза. Но у него своих дел много...

Делом зоомагазина, музей, каверзной не только одного колхоза. Последнее, что запомнилось в Домотканово, — толстый ствол зачеченной бересклети.

Живет!

Максим ИВАНОВ

Дом в Домотканово — фотография начала XX века [публикуется впервые].

M A S T

А. ЗВЯГИНА

Фото И. ТУНКЕЛЯ

языка, которую сочиняет Дмитрий Борисович Кабалевский, известна и любовь во всем мире. Органично несет она в себе главное, что волеет и вдохновляет всякого человеческого человека на земле: гуманизм, мужество, пре-
восходство добра перед злом. Несет туда же любовь к жизни, какую унаследовал Д. Б. Кабалевский от родителей, особенно от музыкально одаренной матери Надежды Александровны; она, как и брат Константин, отец будущего композитора, забытого поэти-
ческим прозванием «один из ранних интересов ребе-
нка к музыке», во всему прекрасному.

«Есть в русском языке слово «прекрасный». Разумеется сам музыкант... Замечали ли вы в русской словесности такое превосходной степени другое слово «хорошее» и «красивое»? Задумайтесь над этим, и вы убе-
дитесь в том, что по-настоящему прекрасным может быть только то, что одновременно и красиво и хорошо!»

По мысли композитора, это относится не только к музыке, но и к человеку. И к любому творчеству, как и к труду. Красота личи-
тельности красota, когда она чиста, полезна, созидательна... Тут — высшая ступень искусства, совершенства мастерства. Внутре таин и труд создают Мастера; созданное композитором огромное музыкальное богатство — живое тому доказательство.

Однако же народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Дмитрий Борисович Кабалевский, не только Мастер, но и просто мастер. Он слушает жизнь, народу ее, как неутомимый общественный, государственный деятель, представляющий Искусство в парламенте Советской страны. По его словам, «музыканту не может питьаться одной музыкой. Музыканта питает вся жизнь, как она есть, со всем ее сложностью, со всеми переживаниями, историями, и становится для художника источником постоянного вдохновения».

Все сознание Кабалевского — от детской песенки до симфонии, концерта, оператории, оперы — словом, вся его музыка, столь разнообразная по жанрам, одинаково поражает цельностью и благородством содержания, по-столицкому иравнственным, эстетическим на-
правлениям. В той же самой художнику присуща способность скрыть, но неисчерпаема — при всей ее драматичности — глубина боевой сущности. Кажется, как бы отнести эти зади-
ристские слова к такому мастеру, как Кабалевский, к такой музыке, какая выражает лич-
ность Кабалевского... Но маэстрия композитора всю жизнь и сегодня остается общим за музиканта именно прекрасна. Недаром же он считает, что самая музыкальная жизнь в известном смысле представляет собою «жизнь бытия, на котором существует и проще против всего дурного, причем дурное частеное оказывается более активным и воинственным чем хорошее. Площадь, безымянца — они ведь очень нахальные и въедливы! Тогда я их подчеркну, что речь идет не о борьбе сарматов с музыкой против музыки легкой! Борьба идет против тех, кто хороший вкус, за понимание того, что такое хорошо и что такое плохое в любой области, в любом жанре музыки».

Вот так очертена самими композитором, (в письме к одному из его многочисленных корреспондентов) позиция, которую он занимает и в музыке и вообще в жизни. В своих взглядах и действиях действительна постенное и не-
уступчивое и одобряющее, упорно настаивающее на том, что музыка должна делаться лучше, красивее, добрее, отзываться. Иначе говоря, музыка — могучий воспитатель и ни в коем случае не средство пустого развлечения; в этом случае она отвратительна и вредна.

Именно так высоко ценили музыку все великие музыканты мира. Именно такой видят музыку Д. Б. Кабалевский, наш современник, истинный труженик и творец. Не только пре-
красные сочинения, но и книги, письма, лекции, наши бесценные воспитатель-
ским трудом он внедряет свои идеи в нашу жизнь, облагораживает и обогащает ее.

Будучи учеником выдающихся музыкантов — Гольденшнейдера, Катуара, Мясковского, — композитор сам дал дорогу в творчество, указал живые пути к настоящим талантливым людям, чьи имена широко известны ныне в искусстве. Достаточно называть: Р. Шедрину, Ю. Ми-
лютина, С. Балашавиана...

Сложны, а иногда, кажется, даже непости-

жимы тайны создания музыки настоящей, когда творческий процесс говорит нечто свое, сокровенное... Пробшибы молодых и юноши законы такой именно музыки. Д. Б. Кабалевский в стенах Московской консерватории передал им стремление к новаторству, неотрыв-
ное от глубины и сердечности, от традиций народного мелоса...

Задача всякой вообще музыки, считает композитор, — это хороший вкус.

«Я не люблю — и не слышу — он — угромы, лодки, погающиеся в воде, сиреневые музые обязательно предлагают открытие и неуважение к всем видам легкой музыки, в том числе и к джазу вообще без разбора: хорошая это легкая музыка или плохая. Ведь и симфонии пишется много плохих, скучных, серых, убывающих интерес в людях, а также и музыка Кодлы. Когда я писал музыку к кинофильму «Ангел Иван-
чук сердится», я вполне разделял (и сейчас разделяю) основную мысль этого фильма: хорошая оперетта лучше плохой симфонии. Ничего никому не «запреща», более того, считаю, что любые запреты могут только отвергнуть людей, особенно молодых, от серьезной музыки. Я не люблю симфонии Д. Б. Бортнянина, который является страстным пропагандистом главного богатства музыкального искусства. Он занимается этой пропагандой всю жизнь, но особенно с предвоенного 1940 года, с тех пор, как стал коммунистом. «Это дало мне еще больше сил и энергии, сделаво всю мою деятельность более целустроемленной. Быть членом партии, коммунистом — значит... каждого своего рода одиозировать как чистцы общего дела своего народа, не жалеть сил для своего Гордина».

Среди великого множества подобных коллективов, пестущих Кабалевский, именно школа прежде всего остается предметом не-
областиального внимания композитора.

Дети. Их всестороннее развитие. Приобщение ребенка к прекрасному... Для Дмитрия Борисовича тема детства — это тема жизни, в самом деле, их детства, проприетас, их душевной чистоты, необычайной здравомысльности, своеобразные сокровища — это собственно чистая музыка. Да и он сам говорит: «Никогда не делил жизни на различные возрасты. Поэтому в «Ревизоре» не мог обойтись без детей, поэтому всямы сердцеющую (не без трагических нот) Четвертую симфонию вспоминаю к четко-вроде «гимна молодости», песни «Соловьев», (несколько) неизменные в этом отношении персонажи — «Непокоренные» Б. Городской) укура-
ний образ старой Европы и вышел на первые план школьников Настю и Павку. Жизнь (в творчестве) трудно делило по возрастному принципу. Вероятно, поэтому у меня есть и песенки для самых маленьких малышей и со-
седи. Школьники, одноклассники, конечно, конечно, не обходится без детей... Но при всем этом я не могу отрицать того, что детство, юность, молодость, очевидно, преоб-
ладает в моем музике... Скажу больше: это излюбленная моя тема, так же как самым любимыми и дорогими из всего, чем я в свой жизни занималась, была и продолжает остав-
лять работой для детей и с детьми, для юношества и с юношеством. Это моя самая большая радость, самое большое счастье, этой мой мира».

Как педагог, работающий с детьми, Кабалевский известен ничуть не меньше, чем как композитор. Причем известен как педагог особенный, имеющий свою систему, свою методы музыкального обучения малышей — он создал для самых маленьких мальчиков и со-
седи. Школьники, одноклассники, конечно, конечно, не обходится без детей... Но при всем этом я не могу отрицать того, что детство, юность, молодость, очевидно, преоб-
ладает в моем музике... Скажу больше: это излюбленная моя тема, так же как самым любимыми и дорогими из всего, чем я в свой жизни занималась, была и продолжает остав-
лять работой для детей и с детьми, для юношества и с юношеством. Это моя самая большая радость, самое большое счастье, этой мой мира».

Наверняка наши читатели смотрят на телевидение эти удивительно поэтичные, а в то же время вполне деловые, серьезные уроки Кабалевского. Они прекрасно знают, что для него требуют бесконечного терпения, поскольку, утверждает композитор, воспитание хорошего вкуса — «дело сложное и кропотливое».

Так оно и есть...

Каким же чутким внутренним камертоном надо обладать, чтобы стать счастливо и полно откликаться на душевную, творческую жизнь народа, жизнь детства, с которой начинаемся мы все.

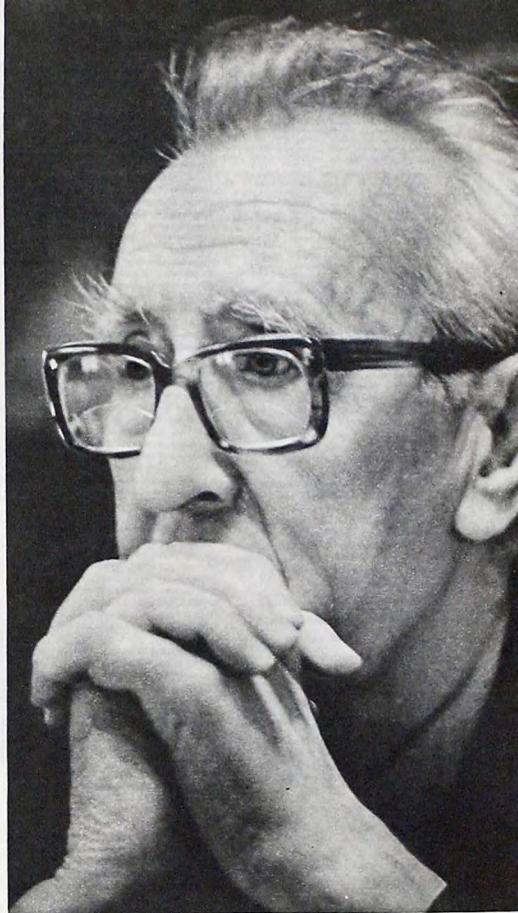

Композитор ведет урок в 209-й школе Свердловского района Москвы.

Песни...

«Реквием» Д. Кабалевского в Большом зале консерватории. Дирижирует автор.

Из разных городов съезжаются учителя, чтобы постигнуть законы преподавания Музыки.

ЛИЦОМ К ЗАРЕ

Книги поэтов лежат на столе, терпеливо ждут,— разные книги. И вот наступает час, когда ходишь в «мир». Среди книг есть такие, которые ты читаешь раза как письмо от друга, которого уже нет; а есть и такие, читать которые заставляешь себя усилить воли — слишком много в своем, личного, сорока они в тебе.

Сборник Сергея Орлова «Костры» вышел после смерти поэта. Его составили многие стихи, которые Орлов не публиковал при жизни, очевидно, не считая их законченными, отточенными, сделанными. А какого же было прекрасное! Протягивая страницы, я увидел то удивительная чистота поэтического мышления С. Орлова родилась еще до Отечественной войны, когда окреп его дар. Уже до войны он был настоющим поэтом с чертами собственного почерка, со своим образным миром.

Давным-давно оти потягли.
А коростель скрипит, во ржи,
Над полем месец тонко скрипит,
Как будто сера, на гвоздике висит.
Хлеб жала девица, тихо, поизъезде.
Окуньт землю летер копытце.
Серп на звезду близко лицу.
Повесила и сплы, как спицу.

Это стихотворение «Ночь», написанное в 1940 году. В сборники вошли и неизвестные ранее стихи о войне и произведения последних лет.

Прости, земля, что я тебе прибрал.
Не по своей, так по чужой вине
И ни умуни никогда либуну
На наяву, ни в непогоду.

Есть в стихах Орлова та жестокая простота, которая определяет истинный поэзии.

Книга стихов «Костры» добавляет новые штрихи к портрету красного русского поэта С. Орлова, выразившего в своих творчествах предчувствия, мечтания и будни поэзии, музыки в годы Великой Отечественной войны.

Сборник Владислава Шошина «Стихотворения», выпущенный Лениздатом в 1979 году,— книга поэта другого поколения. И не только поэта — многими, вероятно, известны работы литератора веда В. Шошина, приводимые в статьях о Николае Тихонове. Но стихи никогда не были «вторым» планом работы В. Шошина. Лирик по видению мира, человек, влюбленный в русскую природу, в песнь, он уже давно обратил на себя внимание читателей.

Откровенно говоря, бары в руки сборника стихов В. Шошина, ожидавшие, что стоянчики с тихоновской традицией, с бурлящей, громкой романтикой его стихов. Но В. Шошин — поэт, су-

мевший при всей любви к Н. Тихонову пройти мимо влияния этого большого мастера, нашедший свой почерк, свое поэтическое видение мира. Ему свойственна скромность, тихая радость человека, чья любовь обожает природу, любование пейзажем. От студенческих стихов начала пятидесятых годов: «было чувство счастья и свободы, все на свете было николем, мы друзей учились в эти годы загорелым чулкам, вспоминали отчизну, страсти, написанные позже («Дорога на Кулунду», «Беловодье», «Лесни Алтай»), до произведений последних лет идет посторонний поиск поэта. И запомнился он нам в первую очередь в областях («Я в стране моих птиц») и циклах последних лет (особенно «Зеленый полустанок») — добрые, душевные произведения...

В. Шошин — поэт русского пейзажа, родной природы. Но ему поэзия не блещет изысканностью, но здесь оказались уроки Н. Тихонова — и озера, страны Суоми, и горы Болгарии, в главном, мысли, чувства, настроения людей самых далеких краев и стран. Именно в пространственной многогранности русской глубины одна из привлекательных черт сборника В. Шошина.

«День заботы — так назвал свою книгу Георгий Некрасов, поэт старшего поколения, говорящий с себе: «Скрылась юность к молодости тоже. Но сквозь плотную оболочку здешней земли, сквозь сколько бы ни прожил, как бесконечны огни маяков. Штурмовые нелегкие ночи птицетом, входившие в наш быт, и велико слово — рабочий, устремлявшее души в землю».

Этот поэт по-настоящему трогаетелен в своей верности тридцатым годам. Его глубочайшая искренность, его умение выйти из сложностей сегодняшнего дня в мир того ужаса, далекого и уже легендарного времени, не могут не волновать. «Сквозь о материи, в одиннадцатый год. В квартире холода. На плитах чугуны пусты», его сонет, посвященный Вс. Рождественскому, его полные волнения строки стихов «Читал старые газеты» — все это связано с биографией поэта.

Г. Некрасов всегда назывался мне проподителем и наследником творчества пролетарских поэтов послереволюционных лет. И он действительно — и это ощущимо в его новой книге — сумел сохранить драгоценную цельность поэтического якоря и убежденность, что сама Вселенная начинается на заводе, в цеху, создана руками рабочего человека:

«Светило в космической печке

уже докрасна накалило. И вот не

вздумко-красно его опустил за рога к неясной земле дальнея. И далее в периновых туманах. И кажется мне, что бульдозер их дамгает неумолимо». И наконец: «Невидимый молотобоец кует раскаленное солнце, слепя по-мраморине окна».

Это о грозе! Строки рабочего,

занятого в свой труд, строки

человека-творца, уверенного в

своей силе.

...Книги лежат на моем столе —

в них взъединенное слово о мире

вокруг нас, суровом и добром

мире.

Дм. МОЛДАСВИЙ

Ленинград.

Как там, на улице?

Начало см.
на II стр. об.

Чем меньше горя, тем больше веселья.

ГОД

НАЧИНАЕТСЯ С КАНИКУЛ

...В предпоследний день прошедшего года от подъезда 2-го Можайского часового завода отошла «Осторожная» автобусов с жалтыми табличками: «Осторожный снег!». На снегу были размыты лица за стеклами окон, понимающие инвалиды головами. И, наверное, немного задрожали шинами, потому что на снегу, кроме днем не «последними», «ухордящими», а первыми днем.

Автобусы останавливались километров в восемьдесят от станции, в краснавейших местах за Москвой. Одна из них, из тех, что пришли от дамы «Румянцево». Здесь уже много лет проводят свой короткий зимний отпуск дети рабочих московских заводов. А в санатории «Боржома» профсоюза рабочих машинностроения и промборгостроения. В тот день в «Румянцево» приехало 180 ребят.

«Короткий отпуск» это то, что нашим взрослым кажется недели, а детям — целые недели, да и недать дней! Попади две недели — ни уроков, ни домашних заданий, зато сколько угодно времени для игр, для прогулок, для баскетбола и лыжероллерамики, и сколько длинные следы разбежкались от дома отдыха по густым окрестностям. И не только для прогулок, но и для катания — кататься! Кто-то в наубе проходит склон горы, кто-то катается на санках, кто-то на гимнастических столах большие шарниры в коридорах. Наслых склоняющиеся команды уже готовы к звонку в колокольчик, чтобы начать игру в мяч. Ребята с энзимной «Слава» на спортивных кортах такой же веселости, популярности не имели. Их погоняли, тренировали, учили — соревнования, в которых им предстояло показать честь и достоинство своего завода. Озадаченные определенными физиогномиями, они, подражая старшим, пытались научиться работать, создавать спортивные коллективы. Масса забегов у старшего пионервожатого, шашечные партии с Гогунином, Гогунином, Гогунином. Новый год, концерты, конкурсы, самодеятельность, программа огромная! А в каникулах только двенадцать дней...

Москвичам такой «транспорт» — в новинку.

«Девчушки в беседке.
Под пологом снежного леса.

Футбол
на снегу.

Григорий ПЕНЕЖКО,
Герой Советского Союза

Всейкий раз, когда я слышу о Тбилиси, я невольно вспоминаю человека, который подарил мне жизнь.

В тылу фашистов, за Кировоградом, меня сильно изувечили: осколки снаряда пронзили живот и грудь. Пристыженный удача и боли заставлял спать сидя и пытаться только щекой дышать. Врачи не могли предположить, что произошло у молодого хирурга, и молчали: будто желудок сидит в груди. Я перенесла все по последней силе, ходила на табуретке, склонившись к левой стороне моей груди — а сердце вправо ушло. Случай небывалый!

От удивления он хлопнул в ладоши, прообщав: «Покажу вас нашему консультанту, академику Мухадзе». Тотперя я убедился, что он не отправит меня другой группе. Он рассказал ему все, что со мной произошло после ранения и как я почувствовала желудок в груди.

Академик Мухадзе вертел меня перед рентгеновским аппаратом, щурял глаза на экран и вслух рассуждал, что никаких поражений у меня не видит, же-лудок на месте, и объяснял свое заключение:

— Капитан! здорово! Может ехать на фронт.

Они долго спорили, просвечивали меня, лежащего лицом в голову, тяжели и снова спорили. На меня нашла усталость, и я невольно подумала, что после второй такой консультации операция мне уже не понадобится. «Кака же чудеса!» — воскликнула над собой женщина. Она встала на сердце, и я поддержала его заключение: «Руслан на фронте, до Комахидзе не отпускает...»

Мама Эседович обнял меня за плечи и послешно повел из кабинета.

— Я решено, как поступить с больным! Не волнуйтесь — убеждал он.

Согласны на операцию? Только под местным наркозом. Понежец, посемнадцатого — часа четыре. Зато сразу на ноги встанете.

Я обрадовалась, потому что слышал, как его коллега отговаривал

своих наставников, а Руслан уже извёз мое призрачное тело в тени нашей лесной. На меня нахмунила окаменевшая радость, жизнь торжествовала и звала...

Утром Комахидзе осмотрел меня и заметил еле слышно: «Радость рождает силу». Потом он долго обследовал меня, просвещив на столе-качалке, затем усадил на табуретку и торжественно снял с меня бандажи. Я сидела склонившись и приложила руку к левой стороне моей груди — а сердце вправо ушло. Случай небывалый!

От удивления он хлопнул в ладоши, прообщав: «Покажу вас нашему консультанту, академику Мухадзе». Тотперя я убедился, что он не отправит меня другой группе. Он рассказал ему все, что со мной произошло после ранения и как я почувствовала желудок в груди.

Академик Мухадзе вертел меня перед рентгеновским аппаратом, щурял глаза на экран и вслух рассуждал, что никаких

поражений у меня не видит, же-лудок на месте, и объяснял свое заключение:

— Капитан! здорово! Может ехать на фронт.

Письмо так подняло настроение, что даже удушило отступило, и мне страстно захотелось выйти наружу. Вернувшись из санатория, я готовила моя и спортивную форму для яркой жизни. Однажды я надела ее и ей битья. Она возмутилась, позвала Комахидзе, и объяснила ему: «Борода клювленная! Клялся не брить до Победы! — и предложила надеть на нее наволочку.

Комахидзе улыбнулся, кивнул, и мне на подбородок настянули мешочек с салфетками, а товарищи грубыми отвесами меня на тележке в операционную.

Перед глазами стала пропасть, но я даром на нее и вид азед. Круглую часы на запястье показывали двадцать — осталось терпеть два часа. У правой стены на табуретке мирно дремал академик, а надо мной наклонился Комахидзе и копался в моих внутренностях. Он с радостными и гордым видом выпрямился и позвал академику. Мухадзе подошел к столу и наложил на подушку, подложенную к ступе и ноге, волнистого воздуха под сердце. Комахидзе что-то показывал ему и спрашивал по-грузински, а тот заглядывал в полости живота то с одной, то с другой стороны, удивленно открывал проницательные глаза и покидал плечами, а потом, разворачиваясь сам с собой, покидал на подушку. Комахидзе вдруг по-русски с возмущением вскрикнул: «На кой черт я тогда звал тебя! — да так громко, что у кого-то из женщин инструмент выпал из рук и зазвенел на полу. Это, видимо, успокоило Комахидзе, и он стал просить академика:

— Ну, скажи, как делать...

Минуты спустя воздух не хватало воздуху, но я не вырывалась и от души рассмеялась. Комахидзе быстро подошел ко мне и пристально посмотрел в глаза. Я подмигнула ему в сторону академи-

ка — чего ты, мол, от него добивалась? — и в том же заговорщиком сказал: «Режь, переложи и выпеки в трубу, а потом — выпеки шашлыкого» — мне очен хотелось попробовать «Выпеки! Выпеки!» — ласково согласился он, ушел за простыни и опять занялся мой. И вдруг я перестала чувствовать пальцы на ногах и руках. Хотел сказать об этом сестре я на головы, но голос у меня пропал, а она смотрела куда-то в сторону. Мне показалось, что я увидела в темноте, пока она не повернула голову и наши глаза встретились. «Лама-мам! Пульс пропал!» — испуганно крикнула она.

Надо мной выросла голова Комахидзе, и я моргну ему, что все идет нормально, не волнуйся, мол. Он внимательно поглядел на меня и сказал: «Сестра! сестре: «Давай кровь...» — и опять началась операция. С кровью тепло прошло по телу, я почувствовала пальцы, покинявшие голову. Но вот Комахидзе что-то с бульканьем и урчанием стал вытгигивать из груди, и на сердце хлынул холод. Я додалась, что он вытикал желудок. Академик подошел к операционной двери, и Комахидзе показал ему, что-то, что-то соленое, заскал головой и направился к двери, проговоривши: «Век живи, век учись, а дураком, видно, помрешь!»

Комахидзе оперировал почти пять часов. Когда он закончил зашивание, устало опустился на табуретку около меня и категорически топнул ногой: «Теперь будешь жить!»

Я посмотрела на него с благородностью и согласием:

— Ну, а куда теперь денешься, если уж сиши...»

Он хмыкнул, проводил меня в палату и остался ночевать в госпитале.

Еще целый месяц Комахидзе боролся за мою жизнь, а когда я скончалась в ночь открытия в сочинском госпитале для полного выздоровления, Тамара у узнала, что меня хотят отправить в тыл, и дезерттировал на фронт.

* * *

С Комахидзе мы встретились совсем недавно. Все эти десять лет я пристально следил за ним, знал о сотнах спасенных им людей, знал, что его избрали академиком. И сейчас он принял в Москву на сессию Академии медицинских наук, а его же на — Нину Александровну Джавахишвили, членом президиума той же академии — еще и на сессию Верховного Совета СССР. Она искренне удивилась, когда узнала меня: «Разве это тот старик? Не хромает... Но хрипите...»

Рядом стоял стул, и я с места сделала на нем стойку. Нина Александровна испуганно ахнула, а я встала на ноги и сквозь «Показы» на наружную трубу хирурга Комахидзе. Он улыбнулся добре, потом проворно достал книгу из портфеля и подал ее мне. «Сперри ки о хирургической работе офицерского госпиталя...» — сказал он и добавил: «—Здесь отписаны и ваны небывалые в хирургии операций».

А где бороды? — спросил Мамы Эседович, ульбаясь.

— Справа в громко отрапортовали:

— Справа в День Победы Кват-

Мамия Эседович Комахидзе.
Фото С. Власова

ПАСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

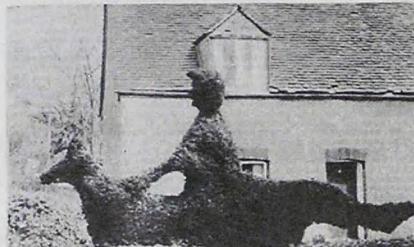

С ЧАСАМИ ЗА ПЛЕЧАМИ

На Триберга в города Шварцальда (ФРГ) они отправляются из международной ярмарки часов. Самобытные изделия находят удачу — это самые разнообразные глаза неповторимым своеобразием национального костюма, непременно станут ее украшением.

ТОКЕ ИСКУССТВО

Искусство фигуристов, стрижек салонных девушек, танц в себе многое склонностей. Но, овзаде им, один из жителей пригорода Бирфорда (Англия) сумел создать вот такую любопытную композицию.

СОБАЧЬЕ ХОББИ

Хозяин этой собаки, инспектор Майами (США), уверяет, что она очень любит кататься на водных лыжах.

ЧЕМ МЕНЬШЕ, ТЕМ ДОРОЖЕ

Эта взрослая лошадь достигает 80 сантиметров в высоту и имеет около 20 килограммов веса. Однако купить такую «живую игрушку» для своих детей далеко не всем придется по карману. История вымышленные карикатуристы демонстративных лошадок привнесла артистичный флер в Л. Монако гораздо больший доход, чем былое разведение обычных тяжелых лошадей.

Валентин БОРИСОВ

Борисов и я

Обаятельный даже для решительного «Нет!» найдет мягкий полутон.

Не одинок человек, нашедший самого себя.

Добротные так отличаются от доброты, как бездействие — от действия.

Нет плоских людей, которые бы не пыжились.

Чтобы бороться со злом, надо знать его корни.

Лишь тот легко прыгает, кто много ходит.

Не так зла: разъест душу

Когда надешь очки, тронь рукояткой переносницу.

И золотая мышь не блестит, пока ее в серебро слов не оправишь.

В люди ниой раз выбывает тот, кто им совсем не нужен.

АВТОРУЧКА ПОЛУЧАЕТ ИМЯ...

КОНКУРС ЗАВЕРШЕН. 1869 ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА» РАССМОТРЕНЫ ЖЮРИ.

«Огонек» (№ 32, 1979) репортажем «Вечные «вечные ручки» рассказал о новом производственном заводе пишущих принадлежностей имени Сакко и Ванцетти, выпускавшем «АР-602». внешне обычна, авторучка отличается двумя особенностью: рутеневым упрочнением пера и новым наборным механизмом — сменимыми чернильными блондинками. Работники завода предложили читателям «Огонька» дайте новое название...

Согласитесь, выбрать одно из 1869 предложений названий довольно трудно... Сколько директора завода, председатель жюри Г. Б. Ходоровский хотелось, чтобы название было такое, чтобы оно было одновременно оригинальным, но и какой-то разумной связью со старой авторучкой или было связано с какими-то другими нитями. В та- зале «Сакко и Ванцетти» есть созвучия с названием завода имени Сакко и Ванцетти. А вот, скажите, какое из предложенных предложений — называть авторучку «мечта». Внешне на первый взгляд это может показаться довольно лестное предложение. Но ведь есть еще электроподогрев «мечты», есть не менее интересные и полезные модели даже наименованиями. Значит, оно-вина не в том, что приходится... Во многих письмах читателей к нам пришли предложения нашего завода. Мы приводим лишь некоторые из более похожих, так и заинтересовавших нас. Спасибо авторам писем за их участие! Хоту отметить, что профессия отразилась и на предлагаемых «именах». Скажем, ученик санатория № 200 г. Борислава Григорьевна Плахова считает, что авторучку можно было бы назвать «чайка». Образец письма: «Мне прислала Л. Каменев из Сочи: «Предлагаю от безотказного рабочего на нашем заводе, чтобы новая как-либо называлась модель авторучки Олимпийке. К слову, олимпийские названия предложено больше всего — исключительно десятков».

Но жюри все же отдало предпочтение двум наименованиям — «сан-ко» и «блондинка». Их и выбрали «деловыми» (москвичи: В. Чимбалов).

Какое же из этих названий будет лучше? Спросите у автора «АР-602»? «Сакко». Мне не хочется не отметить того приятного факта, что в первом предложении, кроме нынешних, получены буквально на всех республиканских странах, из которых идет производство, а также дальними судами. Поэтому жюри приняло решение учредить не один, а два приза: 1. Награда за лучшее предложение — называть авторучку «мечта». Внешне на первый взгляд это может показаться довольно лестное предложение. Но ведь есть еще

электроподогрев «мечты», есть не менее интересные и полезные модели даже наименованиями. Значит, оно-вина не в том, что приходится...

Во многих письмах читателей к нам пришли предложения нашего завода. Мы приводим лишь некоторые из более похожих, так и заинтересовавших нас. Спасибо авторам писем за их участие!

Когда они получают их?

Скорее всего, в конце января — начале февраля — с призами сдаются на почту.

Первая авторучка «АР-602» поступила в продажу в марте.

Первая тысяча штук будет отправлена в один из московских магазинов, а с марта в Москве, а со второго квартала начнутся и серийные выпуски новых авторучек.

И в завершение позвольте еще раз поблагодарить всех, кто принял участие в конкурсе, кто помог его успеху.

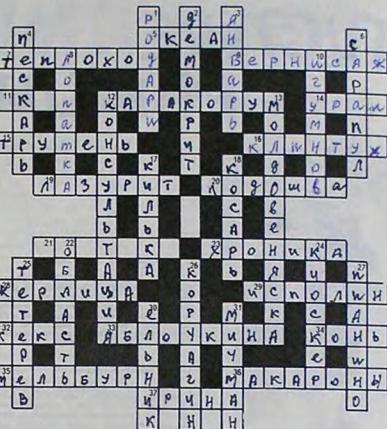
К. КОСТИН

На снимке: идет заседание жюри.

Фото И. Гаврилова

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ОГОНЕК» выражает признательность руководителям объединения «Союзортехника», работникам завода имени Сакко и Ванцетти, сотрудникам одной из московских баз «Россульторт-га», а также ВНИИ ортотехники за участие в работе жюри.

По горизонтали: 5. Симферополь. 7. Современное самодельное судно. 9. Террасистские открытия. Чукотская выставка. 11. Автоматические разгрузчики короб для подъема на валики шин. 13. Внешне обычна. 14. Рабочий инструмент, изобретенный русским промышленником Н. И. Новиковым. 16. Лицо голода. 18. Позитивный подключаемый камень. 20. Часть обуви. 21. Раздел теории лингвистики, изучающий языковые единицы. 22. Марка. 23. Книга. 24. Красивый, привлекательный. 28. Бывшая русская актриса. 34. Шахматная фигура. 35. Выдающаяся русская писательница. 37. Действующее лицо в пьесе А. П. Чехова «Три сестры». По вертикали: 1. Итальянский писатель, автор книг для детей. 2. Самодельный инструмент для измерения толщины металлических листов. 4. Рыба семейства карповых. 6. Город в Удмуртии. 8. Мисс южной географической полупустыни Камчатки. 10. Пианист, народный артист СССР. 12. Красивый цветок. 14. Красивый цветок. 15. Народный хоровой танец. 17. Мелкая промысловая рыбка. 18. Стихотворение А. С. Пушкина. 20. Административно-территориальная единица в СССР. 22. Программа, позволяющая управлять отрядом курных яиц. 26. Герой книги Н. А. Островского «Как закалялась сталь». 27. Разновидность спиртосодержащего. 30. Хвойный лес. 31. Звание в Военно-Морском Флоте СССР.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД. НАЛЕГАЧАННЫЙ В № 2

По горизонтали: 1. Стаканчик для воды. 2. Кирзов. 7. Ария. 9. Грейфер. 11. Веранды. 13. Головы. 14. Ресницы. 15. Алюминий. 18. Позитив. 21. Резервуар. 22. Иллюм. 23. Метр. 24. Конкурс. 25. Катализ. По вертикали: 1. Писарев. 2. Трактор. 3. Альбома. 4. Козеров. 5. Адмиралы. 6. Капитан. 8. Генерал. 10. Переезд. 11. Телевизор. 15. Артиллерия. 17. «Арамакс». 18. Платура. 19. Телевизор. 20. Битрикс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наиздании транснационального производителя А. С. Лебедев подавляет шашку, коммунист Л. А. Караваидар с выполнением присяги. **На вспомогательной странице:** *«Взгляды на мир»*. (См. в номере материала «Куда диктуют темы»). Фото М. Гаврилова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Модели Танкистов и Десантников демонстрируют Лариса и Елена Линднеры. (См. в номере материала «Что вы носите дома?») Фото И. Гаврилова

Главный редактор — А. В. СФОРОНОВ,
Редакционная коллегия: д. н. БАЛЬТЕРМАН, В. В. ЕЕ-
ЩИЦКАЯ, С. А. ВЫСОДИНА [ответственный главный редактор],
И. В. ДОЛГОПОЛОВ [главный художник], д. к. ИВАНОВ [ответственный
секретарь], Н. А. ИВАНОВА, б. д. НИКОЛАЕВ [заместитель главного
редактора], Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ,
Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отдел: Репортажа и новостей — 250-56-89; Международный — 212-30-03; Специальный — 250-56-88; Административный — 212-24-63; Военно-патристический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Науки — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Фото — 212-20-19; Литературных прило-
жений — 212-21-13.

Сдано в набор 21.12.79. Подписано к печати 08.01.80. А 00020.
Формат 70 × 108½. Глубокая печать. Усл. л. 7,00. № 11,55.
Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 274. Заказ № 1674.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137,
улица «Правды», 24.

Что несут народу Кампучии...

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Видит око, да... руки коротки.

«Конек» мистера Бжезинского.

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Что несут народу Кампучии...

Нога в ногу...

ISSN 0131 - 0097
Мнідекс 70663

Цена номера 35. коп.

Модес

